

ДУГЛАС КЕННЕДИ

История одного
исчезновения

ОСОБЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Загадочно. Пленительно. Волнующе

РИПОЛ КЛАССИК

Дуглас Кеннеди

Особые отношения

Серия «Красивые вещи»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66847933

Особые отношения / Д. Кеннеди ; [пер. с англ. Е. Я. Мигуновой]. – М.: , :

РИПОЛ классик; Москва; 2021

ISBN 978-5-386-14515-6

Аннотация

Сомали. Наводнение. Обворожительная журналистка Салли Гудчайлд оказывается в опасности, когда малознакомый и очень привлекательный англичанин Тони Хоббс спасает ей жизнь.

Их первое знакомство похоже на сказку, где прекрасный принц спасает принцессу и между ними вспыхивают чувства. Бурный и красивый роман заканчивается беременностью Салли и стремительной свадьбой.

Недолгое семейное счастье оказывается под угрозой: отношения трещат по швам, у Салли послеродовая депрессия и... пропал ребенок.

Куда исчез малыш? И какое отношение к этому имеет его собственный отец? Сумеет ли Салли выбраться из этого кошмара, в эпицентре которого она случайно, а может и не совсем, оказалась?

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	27
Глава третья	61
Глава четвертая	111
Глава пятая	157
Конец ознакомительного фрагмента.	177

Дуглас Кеннеди

Особые отношения

И снова Макс и Амелии и снова – Трейс

*В огромном городе моем – ночь,
И дома сонного иду – прочь,
И люди думают: жена, дочь, —
А я запомнила одно: ночь.*

Марина Цветаева, «Бессонница»

Douglas Kennedy
A SPECIAL RELATIONSHIP

Перевод с английского Е. Я. Мигуновой

РИПОЛ
КЛАССИК

© Douglas Kennedy, 2003

© Мигунова Е. Я., перевод на русский язык, 2010

© Издание на русском языке. ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2010

© Оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ клас-
сик», 2021

Глава первая

Примерно через час после нашего знакомства с Тони он спас мне жизнь.

Понимаю, звучит немного мелодраматично, но это чистая правда. Ну, по крайней мере, я максимально правдива для журналистки.

Все случилось в Сомали – стране, где я ни разу не бывала, пока однажды у меня в Каире не зазвонил телефон и я не получила срочное задание туда выехать. Был вечер пятницы – у мусульман религиозный праздник. Как и большинство иностранных корреспондентов в столице Египта, я использовала этот официальный выходной по прямому назначению – отдыхала. Я загорала у бассейна клуба «Гезира». Раньше, при короле Фаруке, это было излюбленное место британских офицеров, теперь же клуб облюбовала каирская светская тусовка и кое-кто из иностранцев, обитающих в египетской столице. Хотя, конечно, солнцем в Египте никого не удивишь, журналистам удастся его видеть только изредка. Особенно таким рабочим лошадкам, как я, которым приходится в одиночку покрывать не только весь Ближний Восток, но еще и Восточную Африку. Именно поэтому мне тогда и позвонили в пятницу вечером.

– Это Салли Гудчайлд? – спросил незнакомый американец.

– Верно, – отозвалась я, садясь, и прижала трубку плотнее к уху, чтобы хоть что-то расслышать сквозь громкую болтовню двух египетских матрон, сидящих рядом. – Кто это?

– Дик Леонард из газеты.

Вытащив из сумки блокнот и ручку, я поднялась и отошла в угол веранды, где было потише. «Газета» была моим работодателем. Также известным как «Бостон пост». И если мне позвонили оттуда на мобильник, значит, явно что-то произошло.

– Я новый сотрудник иностранного отдела, – сказал Леонард. – Замещаю сегодня Чарли Джейкена. Вы, конечно, слышали о наводнении в Сомали?

Первое правило журналиста: ни под каким видом не сознавайся, что хоть на пять минут отвлекся и утратил контакт с миром. Поэтому я спросила:

– Сколько погибших?

– Согласно Си-эн-эн, точных сведений о числе жертв пока нет. Но, судя по репортажам, потоп 1997 года по сравнению с этим – просто грибной дождичек.

– Где именно в Сомали?

– Долина реки Джуба. Затопило по меньшей мере четыре деревни. Редактор хочет, чтобы кто-то туда съездил. Вы можете отбыть немедленно?

Вот так и вышло, что через четыре часа после разговора с Бостоном я сидела в самолете, совершающем рейс в Могадишо. Чтобы добраться до места, пришлось, смирившись

со странностями эфиопских авиалиний, делать пересадку в Аддис-Абебе, так что в Могадишо мы прибыли уже за полночь. Я вышла во влажную африканскую ночь и попыталась найти такси до города. Наконец такси удалось поймать, но шофер вел машину, как камикадзе, да к тому же направился в город в объезд, по какой-то немощенной и совершенно безлюдной дороге. Когда я спросила, почему он выбрал такой странный маршрут, водитель зловеще расхохотался. Так что я достала мобильник, нажала несколько кнопок и попросила регистратора отеля «Центральный» в Могадишо немедленно сообщить в полицию, что меня похитили на такси, номер машины... (да, представьте, я взглянула на номерной знак, прежде чем сесть в салон). Шофер рассыпался в извинениях, тут же повернул на главную дорогу, уверяя, что не хочет неприятностей, и пояснил:

– Просто хотел довезти вас побыстрее, срезать.

– Среди ночи, когда пробок нет? Вы правда хотите, чтобы я вам поверила?

– Что же, теперь в отеле меня ждет полиция?

– Если довезете меня без приключений, я им дам отбой.

По магистрали мы без проблем добрались до отеля в Могадишо – таксист все извинялся, даже вдогонку, когда я уже вылезла из машины. Поспав четыре часа, я связалась с представительством Международного Красного Креста в Сомали и выторговала для себя местечко на их вертолете, вылетавшем в зону бедствия. Сидений внутри не было. Я, как и

трое сотрудников Красного Креста, уселась на холодный металлический пол. Вертолет был старенький, и грохот стоял оглушительный. Оторвавшись от земли, машина опасно накренилась на правый борт – и мы повисли на толстых рубчатых ремнях, которыми пристегнулись перед стартом. Когда пилоту наконец удалось справиться с управлением и выровнять вертолет, мужчина, сидевший напротив меня, улыбнулся и произнес: «Что ж, неплохо стартовали».

Трудновато было что-нибудь расслышать сквозь неумолчный грохот лопастей, но я все же уловила, что у парня английский акцент. Тогда, приглядевшись внимательнее, я подумала, что он не похож на социального работника. Дело было не в хладнокровии, проявленном в минуту, когда казалось, что мы вот-вот разобьемся. Дело было не в голубой джинсовой рубашке, не в джинсах и не в стильных роговых очках. И не в загорелом лице, которое, вкупе со светло-русыми волосами, было довольно привлекательным – для тех, кому нравятся обветренные бродяги. Нет – в том, что он не сотрудник Красного Креста, меня убедила именно эта улыбка, непринужденная, слегка игривая, которой он одарил меня, когда мы едва не расстались с жизнью. Тут-то я и поняла: он журналист.

Заметила я и то, как он оглядел меня: оценивающе, вероятно тоже догадываясь, что на соцработника я не тяну. Разумеется, мне было любопытно, какое впечатление я произвожу. У меня типичное лицо обительницы Новой Англии,

в стиле Эмили Дикинсон: худощавое, удлиненное, с белой кожей, легко обгорающей на солнце. Помнится, однажды человек, который собирался на мне жениться – и превратить в типичную домашнюю клушу, на что я решительно не подписывалась, – заметил, что я «можно сказать, красива на свой интересный манер». Когда я отсмеялась, меня осенило: он хотел сделать мне комплимент и при этом остаться честным. Он еще отметил, что ему нравится, как я слежу за собой. Спасибо, хоть не сказал, что я «молодо выгляжу». Хотя это как раз правда: на моем «интересном» лице почти нет морщинок, возраст не оставил на нем отметин, а в светло-каштановых волосах (довольно коротко стриженных) не проглядывает седина. Так что я, хоть и приближаюсь к среднему возрасту, вполне могу сойти за тридцатилетнюю.

Эти мои рассеянные мысли были резко прерваны, так как вертолет вдруг завалился налево, а потом на полной скорости взмыл вверх. Этот резкий, толчками, взлет – во время которого нас, привязанных ремнями, кидало из стороны в сторону, – сопровождался ясно различимым звуком пальбы из зенитки. Англичанин, порывшись в небольшом рюкзаке, извлек полевой бинокль. Не обращая внимания на протесты одного из сотрудников Красного Креста, он расстегнул ремень безопасности и пробрался к бортовому иллюминатору.

– Похоже, кто-то пытается нас сбить, – прокричал он, перекрывая рев мотора. Но голос его при этом оставался спокойным, разве что слегка удивленным.

– Кто это «кто-то»? – прокричала я в ответ.

– Как всегда, ублюдки из ополчения, – ответил он, не отрывая бинокля от глаз. – Те же молодчики, что устроили такую неразбериху во время прошлого наводнения.

– Но почему они обстреливают транспорт Красного Креста? – спросила я.

– Да просто чтобы пострелять. Они стреляют во все иностранное и во все, что движется. Для них это спорт...

Он обратился к троице затянутых ремнями медиков из Красного Креста:

– Надеюсь, ваш парень в кабине знает, что делает?

Никто не откликнулся – все трое сидели бледные от страха. Вот тут-то он и обернулся ко мне с широкой озорной улыбкой, и я подумала: да он получает удовольствие от нашего приключения!

Я улыбнулась в ответ. Это было предметом моей гордости: под огнем я никогда не выказывала страха. По опыту я знала: все, что ты можешь сделать в подобной ситуации, это вдохнуть поглубже, сконцентрироваться и уповать на то, что все обойдется. Поэтому я выбрала пятно на полу и пристально смотрела на него, непрерывно повторяя про себя: *все будет хорошо, все будет просто отлично...*

А потом вертолет сделал еще один круг, и англичанина отшвырнуло от окна, но он, извернувшись и схватившись за ремень, сумел не повалиться на пол и не покатиться по салону.

– С вами все в порядке? – спросила я.

Очередная обаятельная улыбка.

– Теперь да, – был ответ.

Еще три вызывающих тошноту поворота направо, за ними еще один рывок с ускорением, и мы, по-видимому, покинули опасную зону. Десять минут полета в нервном напряжении, и мы начали снижаться. Вытянув шею, я выглянула в иллюминатор и тихо ахнула. Подо мной расстилалась долина, полностью затопленная водой, – настоящий Всемирный потоп. Вода поглотила все. На поверхности качались всплывшие хижины, коровьи туши. Затем я увидела первый труп, плывший лицом вниз, а за ним еще четыре, два таких маленьких, что даже с высоты было очевидно: это дети.

Теперь уже все, кто находился в вертолете, смотрели в окна, осознавая размеры бедствия. Вертолет снова заложил вираж, поднялся выше и переместился к холму, куда не добралась вода. Там виднелись джипы и военные автомобили. При ближайшем рассмотрении стало ясно, что мы пытаемся приземлиться в полуразрушенном военном лагере сомалийской армии. Всюду в беспорядке стояла потрепанная военная техника, валялся какой-то инвентарь, вокруг суетилось с полсотни солдат. В стороне я разглядела три белых джипа с реющим над ними флагом Красного Креста. Вокруг собрались человек пятнадцать, они изо всех сил махали нам руками. Однако все было не так гладко. Метрах в ста от команды Красного Креста стояла группка сомалийских военных –

и они так же энергично махали руками, жестами показывая, чтобы мы садились рядом с ними.

– Сейчас будет весело, – сказал англичанин.

– Не так, как в прошлый раз, – отозвался один из врачей.

– А что случилось в прошлый раз? – спросила я.

– Нас попытались ограбить, – ответил он.

– Тогда, в девяносто седьмом, такое тоже случалось, – заметил англичанин.

– Вы были здесь в девяносто седьмом? – спросила я.

– О да! – Он озарился очередной улыбкой. – Чудесное это местечко, Сомали. Особенно под водой.

Мы пролетели мимо солдат и джипов Красного Креста. Но похоже, соцработники там, на земле, разгадали маневр, потому что попрыгали в джипы, развернулись и рванули на полной скорости к прогалине среди кустарников, на которую мы приземлились. Краем глаза я взглянула на британца. Он прижал бинокль к окну, а язвительная улыбка с каждой секундой становилась все шире.

– Глядите-ка, там собрались устроить гонку, кто первый нас встретит, – сообщил он.

Выглянув, я увидела с десятков сомалийских солдат, бегущих в том же направлении.

– Понимаю, о чем вы, – прокричала я ему в тот момент, как мы приземлились, глухо стукнувшись о землю.

Почуввав твердую землю под ногами, сидевший передо мной парень из Красного Креста вскочил и рванул рычаг,

запиравший дверь салона. Другие, не мешкая, бросились к грузовому отсеку в хвостовой части и принялись отстегивать ремни, закреплявшие ящики с медикаментами и пищевыми концентратами.

– Помощь нужна? – спросил англичанин у одного из парней.

– Спасибо, мы справимся, – ответил тот. – А вам лучше уносить ноги, пока не подоспели военные.

– Где ближайшая деревня?

– *Была* в километре к югу отсюда. Но от нее ничего не осталось.

– Ясно, – пробормотал он. Затем обратился ко мне: – Вы со мной?

Я кивнула, но потом повернулась к ребятам из Красного Креста:

– А как же вы-то справитесь с военными?

– Как обычно. Помурыжим их, потянем время, пока радист не свяжется с сомалийским центральным штабом – если можно его так назвать – и не велит какому-нибудь офицеру распорядиться, чтобы нас оставили в покое. А вы оба лучше поторапливайтесь. Солдаты действительно считают, что журналистам тут не место.

– Уже ушли, – сказала я. – Спасибо, что подбросили.

Мы с англичанином выбрались из вертолета. Оказавшись на земле, он хлопнул меня по плечу и указал на джипы Красного Креста. Пригнувшись, мы, не оглядываясь, побежали

к ним. Это оказалось стратегически верным ходом: нам удалось ускользнуть от бдительных сомалийцев, которые уже успели окружить вертолет. Четверо направили ружья на команду Красного Креста. Один из солдат начал что-то выкрикивать – но они, не обращая на него внимания, явно приступили к процедуре «мурыженья». Хотя из-за шума мотора невозможно было расслышать слов, было очевидно, что ребята из Красного Креста уже не новички в этой опасной игре и знают, как себя вести. Англичанин подтолкнул меня локтем.

– Видите вон те деревья, – сказал он, показывая на жидкую рощицу метрах в пятидесяти от нас.

Я кивнула. Бросив последний взгляд на солдат – они рылись в коробках, – мы устремились к деревьям. Понадобилось всего двадцать секунд, чтобы преодолеть пятьдесят метров, но, Господи, какими же долгими они мне показались. Я понимала, что, если солдаты заметят две бегущие фигуры, естественной реакцией будет дать по ним очередь. Добежав до лесочка, мы нырнули за ближайшее дерево. Мы не запыхались – но, глянув на своего спутника, я заметила еле уловимую напряженность во взгляде, признак волнения. Поймав на себе мой взгляд, англичанин немедленно включил фирменную улыбку.

– Отлично, – прошептал он. – Как думаете, сумеем мы перебраться отсюда так, чтобы нас не подстрелили?

Я посмотрела в том направлении, куда он показывал – еще

один перелесок, выходявший на разлившуюся реку, – и ответила твердым взглядом на его подначивавшую улыбку. «Меня еще ни разу не подстрелили», – сказала я. Мы выбежали из рощицы и что было сил устремились напрямик к следующему укрытию. Перебежка длилась около минуты – за это время в мире не раздалось ни звука, точнее, я не слышала ничего, кроме оглушительного топота собственных ног по траве. Но, как и в вертолете, когда мы первый раз оказались под огнем, я попыталась сосредоточиться на чем-нибудь отвлеченном, например на собственном дыхании. Англичанин бежал впереди. Но добравшись до деревьев, вдруг остановился как вкопанный. Я тоже притормозила, увидев, что он идет назад, высоко подняв руки над головой. Из-за деревьев показался сомалийский солдат, на вид совсем мальчишка – лет пятнадцати, не больше. Он наставил винтовку на англичанина, который что-то успокаивающе говорил, видимо нащупывая пути выхода из этой ситуации. Вдруг солдатик заметил меня – и когда он повернулся, переведя на меня ствол, я совершила серьезную ошибку, неверно оценив ситуацию. Вместо того чтобы немедленно изобразить подчинение – остановиться, поднять руки вверх и не делать резких движений (ведь меня в свое время учили, как поступать в таких случаях), – вместо этого я бросилась на землю в полной уверенности, что он сейчас поднимет стрельбу. В ответ он злобно выругался, пытаясь обнаружить меня в траве. И тут англичанин стремительно прыгнул на него и сбил на зем-

лю. Вскочив, я со всех ног бросилась к ним. Для начала англичанин кулаком врезал сомалийцу под дых, так что тот захрипел, потом ногой придавил к земле его руку с винтовкой. Мальчишка завопил.

– Отпусти ружье, – потребовал англичанин.

– Пошел ты... – проорал парень. Англичанин сильнее надавил башмаком на руку. На сей раз солдат выпустил оружие, а англичанин, проворно перехватив, наставил ствол на парня.

– Терпеть не могу грубиянов, – заявил он, взводя курок.

Мальчишка, скорчившись, громко рыдал, умоляя сохранить ему жизнь. Обернувшись к британцу, я начала:

– Не можете же вы...

А он посмотрел мне прямо в глаза и вдруг подмигнул. Потом, снова обернувшись к юному солдату, произнес:

– Слышал, что говорит моя подруга? Она не хочет, чтобы я тебя застрелил.

Мальчишка не ответил, только свернулся в комочек и плакал, как напуганный до смерти ребенок – да он таким и был.

– Мне кажется, ты должен попросить у нее прощения, а? – сказал англичанин. Я видела, что винтовка у него в руках подрагивает.

– Простите, простите, – пробормотал мальчишка, захлебываясь плачем. Англичанин посмотрел на меня.

– Вы прощаете его? – спросил он. Я кивнула.

Англичанин кивнул в ответ и повернулся к мальчишке:

– Как рука?

– Болит.

– За это извини. Теперь можешь идти.

Мальчишка, все еще дрожа, поднялся на ноги. Лицо его было полосатым от слез и грязи, а на штанах я увидела мокрое пятно – он обмочился со страху. Он смотрел на нас с ужасом, все еще уверенный, что сейчас его пристрелят. Надо отдать должное британцу: он подошел и ободряюще потрепал мальчишку по плечу.

– Все в порядке, – сказал он спокойно. – Мы ничего тебе не сделаем. Просто пообещай, что никому не скажешь, что видел нас. Обещаешь?

Солдат посмотрел на винтовку в его руках и часто закивал.

– Хорошо. Последний вопрос. Много здесь по реке патрулей?

– Нет. Нашу базу смыло. Я отбился от остальных.

– А как насчет деревни вниз по реке?

– От нее и следа не осталось.

– Всех людей смыло?

– Кое-кто успел добраться до холма.

– А где холм?

Солдат махнул рукой в сторону заросшей тропы.

– Сколько времени туда идти? – продолжал англичанин.

– Полчаса.

Посмотрев на меня, англичанин сказал:

– Там что-нибудь и узнаем.

– Понятно, – откликнулась я.

– А теперь беги отсюда, – обратился англичанин к солдату.

– А ружье...

– Извини, его я оставлю себе.

– Мне попадет, если вернусь без оружия.

– Скажешь, что его унесло водой. И запомни: ты должен держать слово. Ты нас не видел. Понял?

Мальчишка перевел взгляд на винтовку и опять на англичанина:

– Обещаю.

– Молодец. Теперь ступай.

Солдат закивал и побежал туда, где стоял вертолет. Когда он скрылся из виду, англичанин прикрыл глаза, глубоко вздохнул и пробормотал:

– Вот ведь чертово дерьмо.

– Согласна.

Открыв глаза, он посмотрел на меня:

– С вами все в порядке?

– Да... но чувствую себя полной идиоткой.

Он ухмыльнулся:

– Вы и вели себя как полная идиотка – но это бывает. Особенно если на тебя вдруг выскочит сопляк со стволом. На этой радостной ноте...

И он жестом показал, что пора продолжить путь. Что мы и сделали – бегом преодолевая открытые места, отыскивая

заросли погуще и пробираясь по самому краю залитых водой полей. Так мы двигались без остановки минут пятнадцать, не обменявшись ни словом. Англичанин шел впереди, я за ним на расстоянии нескольких шагов. У меня была возможность разглядеть своего спутника, пока мы топали по хлюпающей под ногами земле. Он полностью сосредоточился на выполнении нашей главной задачи – убратся как можно дальше от солдат. При этом он чутко реагировал на любой необычный звук. Дважды, когда ему казалось, что он что-то слышит, он останавливался и оглядывался на меня, приложив палец к губам. Мы снова трогались с места, только когда он убеждался, что никто не висит у нас на хвосте. Меня заинтересовало то, как он держал отобранную у солдата винтовку: не повесил на плечо, а так и нес, сжимая в правой руке, на отлете, дулом вниз. И я поняла, что он никогда бы не убил этого мальчишку. Именно по тому, как неумело он держал эту винтовку.

Минут через пятнадцать он указал мне на груду больших камней у реки. Мы уселись, но не промолвили ни слова, продолжая прислушиваться, нет ли погони. Спустя минуту англичанин заговорил:

– Мне так кажется, если бы мальчишка нас выдал, его товарищи сейчас уже были бы здесь.

– Вы его изрядно напугали – он и вправду решил, что вы его убьете.

– Пришлось припугнуть, иначе он без сожаления пристре-

лил бы вас.

– Понимаю. Спасибо вам.

– К вашим услугам. – Тут он протянул мне руку и представился: – Тони Хоббс. Вы для кого пишете?

– Для «Бостон пост».

На губах у него мелькнула удивленная улыбка.

– Да что вы, правда?

– Да, – сказала я. – *Правда*. У нас есть зарубежные корреспонденты, знаете ли.

– *Правда?* – повторил он, подражая моему акценту. – Так вы – *зарубежный корреспондент?*

– Правда, – ответила я, постаравшись симитировать его акцент.

Надо отдать ему должное, он расхохотался. И сказал:

– Поделом мне.

– Да уж. Поделом.

– И откуда же вы *корреспондируете?* – спросил он.

– Из Каира. А теперь попробую догадаться. Вы работаете в «Сан»?

– На самом деле, в «Кроникл».

Я попыталась скрыть, что ответ произвел на меня впечатление.

– *На самом деле*, в «на самом деле в „Кроникл"»?

– А вы за словом в карман не лезете.

– Приходится, особенно если работаешь в маленькой провинциальной газетке. Иначе нам не справиться с большими

самоуверенными дядьками.

— Ого, а вы уже решили, что я самоуверен?

— Мне хватило двух минут, чтобы понять это, еще в вертолете. У вас офис в Лондоне?

— На самом деле, в Каире.

— Постойте, я же знаю, кто там представляет «Кроникл» — Генри...

— Бартлетт. Заболел. Язва, кажется. Поэтому меня перевели сюда из Токио дней десять назад.

— Я работала в Токио. Четыре года назад.

— Хм... похоже, я гоняюсь за вами по пятам.

Внезапно мы слышали неподалеку шаги и насторожились. Тони схватил винтовку, которую прислонил было к камню. Шаги приближались. Мы вскочили и увидели молодую сомалийку, бредущую по тропе с ребенком на руках. Ей было не больше двадцати лет, а младенцу не больше двух месяцев. Мать казалась изможденной, ребенок не шевелился, и это было страшно. Увидев нас, женщина стала что-то кричать на диалекте, которого мы не понимали, и отчаянно жестиковать, показывая на винтовку у Тони в руке. Тони сразу все понял. Размахнувшись, он бросил винтовку прямо в бурлящую реку, в самую гущу мусора и грязи, пльвших по течению. Этот поступок, казалось, удивил женщину. Она повернулась ко мне и снова начала кричать, умолять о чем-то, но тут у нее подкосились ноги. Мы с Тони подхватили ее, чтобы не дать упасть. Не выпуская ее из рук, я покоси-

лась на безжизненное дитя. Потом посмотрела на англичанина. Он мотнул головой в сторону вертолета Красного Креста. Обхватив истощенную женщину с двух сторон за талию, мы медленно потащились в обратный путь, к прогалине, где сел наш вертолет.

Добравшись туда, я с облегчением увидела, что сомалийские машины отъехали подальше, и солдаты спокойно стоят в стороне, а не роются в привезенном грузе. Передав женщину солдатам, мы направились к вертолету.

Двое ребят, что летели с нами, все еще занимались разгрузкой.

– Кто здесь врач? – спросила я. Один из парней поднял голову, увидел женщину с ребенком и тут же побежал у ним, а его коллега не очень вежливо предложил нам проваливать:

– Здесь вам больше делать нечего.

К тому же выяснилось, что у нас нет надежды добратся до затопленной деревни: дорогу к ней уже перекрыла сомалийская армия. Отыскав главного врача миссии Красного Креста, я сообщила ему про жителей деревни, спасшихся на холме в двух километрах от деревни, на что он ответил (с твердым швейцарским акцентом):

– Мы об этом знаем. Как только их военные дадут добро, мы направим туда вертолет.

– Можно с вами? – спросила я.

– Нет. Военные разрешили лететь с ними только троим из нас...

– Так скажите, что мы из вашей команды, – вмешался Тони.

– Нам нужно отправить туда медиков.

– Пошлите двух медиков, – сказал Тони, – и одного из нас. Разговор прервал подошедший к нам сомалийский офицер. Он похлопал Тони по плечу:

– Вы – документы.

Потом похлопал и меня:

– Вы тоже.

Мы протянули ему свои паспорта.

– Документы Красного Креста, – потребовал он.

Когда Тони начал с ходу сочинять какую-то нелепую историю о забытых дома документах, офицер вытаращил глаза и произнес одно слово, прозвучавшее как приговор: «Журналисты».

После чего повернулся к своим солдатам и приказал:

– Следующим вертолетом отправить их в Могадишо.

В сопровождении вооруженных до зубов конвоиров мы вернулись в столицу. Я была совершенно уверена, что, как только мы приземлимся на военном аэродроме в пригороде Могадишо, нас схватят и отправят в камеру. Вместо этого один из солдат еще в вертолете спросил, есть ли у меня американские доллары.

– Может быть, – ответила я, а потом опасливо спросила, не подбросят ли они нас за десять баксов до отеля «Центральный».

– Платишь двадцать – мы везем.

Он даже сам сел за руль джипа, чтобы доставить нас на место. По дороге мы с Тони заговорили – в первый раз после того, как нас взяли под стражу.

– Мало что из этого можно выжать, правда? – сказала я.

– Уверен, мы с вами сумеем что-нибудь нацарапать.

Мы сняли два номера на одном этаже и договорились встретиться, когда напишем свои репортажи. Мы встретились через два часа. Вскоре после того, как я сбросила по электронной почте семьсот слов – о наводнении в долине реки Джуба, о телах, плавающих на воде, о хаосе и неорганизованности властей и о том, каково это, находиться в обстреливаемом вертолете Красного Креста, – в мою дверь постучали.

За дверью стоял Тони с бутылкой шотландского виски и двумя стаканами.

– О, жизнь налаживается, – сказала я. – Заходите.

Он оставался у меня до семи часов утра – мы решили выехать пораньше, чтобы успеть на утренний рейс в Каир. Когда я впервые увидела его в вертолете, я уже знала: мы неизбежно окажемся в постели, как только представится такая возможность. Таковы уж правила этой игры. Дело в том, что зарубежные корреспонденты крайне редко обзаводятся супругами или «любимыми» – и как-то так получается, что с подавляющим большинством людей, которые встречаются вам на пути, решительно не хочется провести в постели и

десяти минут, не говоря уж о целой ночи.

Но, когда я наутро проснулась рядом с Тони, в голову пришла неожиданная мысль: «А ведь он живет в том же городе, что и я». А это, в свою очередь, привело к еще более необычной для меня мысли: «...и я, пожалуй, не прочь еще раз его увидеть. Вообще-то, я бы не прочь встретиться с ним сегодня вечером».

Глава вторая

Я никогда не считала себя сентиментальной. Напротив, я знала за собой определенную склонность и даже тягу к бегству от серьезных отношений – в этом меня обвинил семь лет назад мой бывший жених, когда я с ним порвала. Звали его Роберт Петтифорд. Он был юристом в Бостоне – умный, эрудированный, энергичный. И он действительно мне нравился. Проблема, однако, состояла в том, что моя работа нравилась мне не меньше.

– Ты постоянно убегаешь, – сказал он, когда я сообщила ему, что меня назначили корреспондентом «Бостон пост» в Токио.

– Это серьезное продвижение по службе, – ответила я.

– Ты говорила то же самое, когда тебя отправили в Вашингтон.

– То была командировка всего на шесть месяцев – и мы с тобой виделись каждые выходные.

– И все же это было бегство.

– Это был превосходный шанс. Как и поездка в Токио.

– Твой превосходный шанс – это я.

– Ты прав, – ответила я. – Это так. Но в ответ и я могу сказать то же о себе. Поэтому предлагаю: поедem в Токио вместе.

– Если я уеду, то не стану партнером в своей фирме, –

сказал он.

– А если я останусь, то все равно не стану хорошей женой партнера.

– Если бы ты меня по-настоящему любила, ты бы осталась. Я рассмеялась. И ответила:

– Значит, я, по-видимому, тебя не люблю.

Чем, в общем-то, и положила конец нашей двухлетней связи – потому что, если делаешь такое заявление, на продолжение рассчитывать трудно. Мне было жаль, что мы не «преуспели» (одно из любимых словечек Роберта) в наших отношениях, но я всегда понимала, что не гожусь на роль обывательницы, которую он мне уготовил. Смирись я с такой судьбой, и в моем паспорте только по праздникам появлялись бы редкие отметки о пересечении границы Бермудов и прочих курортов – ничто в сравнении с двадцатью страничками, заполненными всевозможными визами, которые я умудрилась нажить за последние годы. И уж точно я не ждала бы сейчас самолета из Аддис-Абебы до Каира и не вела бы непринужденную и приятную беседу с обаятельнейшим и циничнейшим бриттом после того, как провела с ним ночь...

– Так ты действительно никогда не была замужем? – спросил Тони, когда мы отстегнули ремни безопасности.

– Не делай вид, что удивлен, – ответила я, – я не так уж легко теряю голову.

– Буду иметь в виду.

– Зарубежные корреспонденты и замужество – редкое со-

четание.

– Правда? Надо же, не замечал.

Я засмеялась, потом спросила:

– А ты женат?

– Ты, должно быть, шутишь.

– И никогда не был близок к этому?

– Каждый однажды бывает к этому близок. И ты тоже.

– Откуда ты знаешь?

– Потому что однажды это случается с каждым.

– По-моему, ты повторяешься.

– Твоя правда. Дай-ка угадаю – ты не вышла замуж за того парня потому, что тебе впервые предложили работу за границей.

– Боже, боже, ты проницателен, – сказала я.

– Не особо, – ответил он. – Просто именно так все обычно и случается.

Конечно, Тони был прав. И достаточно умен, чтобы не расспрашивать меня о том парне, а также о других моих так называемых романах и даже о том, откуда я родом и где росла. Если что и произвело на меня впечатление, так это именно то, что он не приставал с расспросами (только выяснил, что и я ловко ускользнула от женитьбы). Ведь это означало, что – в отличие от многих других журналистов, которых я встречала за границей, – он не отнесся ко мне как к дурочке, случайно попавшей на передний край прямиком из отдела мод. Кроме того, Тони не пытался произвести на меня впе-

чатление внушительным послужным списком, не выпячивал то обстоятельство, что лондонская «Кроникл» – не в пример более внушительное и авторитетное издание, чем жалкая «Бостон пост». Он держался со мной как с ровней в профессиональном плане: живо интересовался моими контактами в Каире (ведь он был там новичком) и с удовольствием делился историями о работе в Токио. Приятнее всего было, что ему нравилось меня смешить... и он добивался этого с поразительной легкостью. Я быстро обнаружила, что Тони Хоббс не просто обожает поговорить – он к тому же потрясающий рассказчик.

Мы оживленно болтали всю дорогу до Каира. По правде, мы вообще не закрывали рта с того момента, как проснулись утром в моем номере. Нам с самого начала было очень легко друг с другом – и не только потому, что нашлось много общего в профессиональной сфере. Мы были очень похожи своим отношением к жизни: немного циничные, отчаянно держащиеся за свою независимость, страстно преданные своему делу. И еще мы оба отдавали себе отчет, что работа корреспондента за рубежом – удел молодых. Большинство сходит с дистанции к тому времени, как им перевалит за пятьдесят.

– Значит, мне осталось восемь лет, а потом в утиль, – заметил Тони, когда мы пролетали над Суданом.

– Ты так молод? Я бы тебе дала лет на десять больше, правда, – сказала я.

Он бросил на меня слегка удивленный взгляд:

– А ты язва.

– Стараюсь.

– У тебя неплохо получается... для провинциальной журналистки.

– Один-один, – сказала я, пихнув его локтем в бок.

– Ведешь счет, да?

– Конечно.

Могу сказать, что подобный обмен колкостями нисколько не обижал Тони. Он наслаждался словесной перепалкой, и не только потому, что в совершенстве владел этой игрой – это позволяло ему избегать серьезных разговоров и не раскрываться. В самом деле, каждый раз, как наш разговор касался личных моментов, он тут же уходил от них, прячась за шутками и иронией. Меня это не смущало – мы ведь только что познакомились и сейчас примеривались, оценивали друг друга. Я просто отметила эти отвлекающие маневры и подумала, а не помешает ли мне это узнать его получше – ибо, к моему собственному изумлению, Тони Хоббс был первым мужчиной за четыре года, которого мне захотелось узнать получше. Впрочем, я не собиралась сообщать ему об этом, потому что, во-первых, понимала, что это может его отпугнуть, а во-вторых, никогда не гонялась за мужчинами.

Итак, мы прибыли в Каир и вместе добрались на такси до Замалека (довольно приличного района Каира, где живут практически все иностранные журналисты и бизнесмены). Оказалось, что дом Тони находится всего в двух квар-

талах от моего. Он настоял на том, чтобы сначала высадили меня. Когда машина, резко затормозив, остановилась у моего подъезда, Тони полез в карман и протянул мне визитную карточку.

– Здесь все мои координаты, – сказал он.

Я извлекла собственную визитку и нацарапала на обратной стороне номер.

– А это мой домашний телефон.

– Спасибо, – сказал он, принимая карточку. – Так позвони мне, идет?

– Нет, уж первый ход за тобой, – ответила я.

– Э, да мы старомодны? – Он приподнял бровь.

– Да нет. Но первой не звоню. Хорошо?

Он высунулся из окна автомобиля и поцеловал меня. Это был очень долгий поцелуй.

– Прекрасно, – сказал он и добавил: – А весело было.

– Да. Весело.

Пауза. Я нагнулась за багажом.

– Ну, надеюсь, до встречи, – сказала я.

– Да, – он улыбнулся, – увидимся.

Поднявшись в свою пустую, безмолвную квартирку, я начала ругать себя за то, что решила изобразить неприступную дамочку. *«Нет, первый ход за тобой»*. Надо же было сморозить такую глупость! Ведь я же понимала, что не каждый день попадают такие мужики, как Тони Хоббс.

Тем не менее мне ничего не оставалось, как выбросить все

это из головы. Я целый час отмокала в ванне, потом забралась в постель и провалилась в небытие часов на десять – предыдущие две ночи я почти не спала. Проснулась я в семь утра. Приготовила завтрак. Включила ноутбук. Подготовила свою еженедельную колонку «Письмо из Каира», в которой рассказала о головокружительном полете под обстрелом на вертолете Красного Креста. В полдень зазвонил телефон, я подскочила к нему одним прыжком.

– Привет, – сказал Тони. – Это первый шаг.

Он зашел за мной через десять минут, чтобы вместе пойти пообедать. До ресторана мы так и не добрались. Я бы не сказала, что затащила его в постель – потому что он отправился туда сам и очень охотно. Достаточно сказать, что в тот самый момент, как открылась дверь, нас просто притянуло друг к другу.

Позже, в постели, он повернулся ко мне и сказал: «Так кто сделает второй шаг?»

Сказать, что с той минуты мы стали неразлучны, было бы большим преувеличением. И все же именно тот вечер я приняла для себя за точку отсчета – с этого времени каждый из нас стал неотъемлемой частью жизни другого. Одно обстоятельство поразило меня больше всего: я говорю о том, как удивительно легко и гладко прошел переходный период. Тони Хоббс вошел в мою жизнь, и это не сопровождалось даже обычными колебаниями, сомнениями и вопросами, не говоря уж о бурных романтических переживаниях,

которые обычно ассоциируются у нас с *coup de foudre*¹. Поскольку оба мы были людьми уверенно стоящими на ногах, привыкшими жить самостоятельно, каждый с уважением относился к независимости другого и с готовностью подстраивался под него. Правда, нас явно удивляли друг в друге национальные черточки и причуды. Тони частенько мягко подсмеивался над моей чисто американской склонностью понимать все чересчур буквально, привычкой то и дело задавать наивные вопросы, излишней тягой к копанию в мелочах. Я, в свою очередь, изумлялась его нежеланию говорить о чем-либо серьезно и стремлению все сводить к шутке. А еще Тони оказался совершенно бесстрашным во всем, что касалось его работы. В этом я убедилась примерно через месяц. Как-то вечером нам позвонили и сообщили, что исламские фундаменталисты расстреляли автобус с немецкими туристами, посещавшими пирамиды в Гизе. Мы не мешкая прыгнули в машину и понеслись по направлению к Сфинксу. Когда добрались до места происшествия, Тони удалось пробраться сквозь кордоны египетских солдат прямо к автобусу, залитому кровью, – несмотря на реальную угрозу, что террористы могли его заминировать. На другой день, на пресс-конференции по поводу этого нападения, египетский министр туризма попытался обвинить в преступлении иностранных террористов – и Тони перебил его, держа в руке обращение,

¹ *Coup de foudre* (франц.) – любовь с первого взгляда. – Здесь и далее примечания переводчика.

в котором каирский филиал «Братьев-мусульман»² заявлял, что берет полную ответственность за нападение на себя. Тони не только прочитал обращение исламистов на почти безупречном арабском – сделав это, он повернулся к министру и спросил: «А теперь не соблаговолите ли пояснить, почему вы нам солгали?»

Тони испытывал неуверенность по поводу одной-единственной вещи: своего роста... хотя я не раз убеждала его, что для меня, черт возьми, это не имеет ровно никакого значения. Наоборот, меня даже как-то умиляло то, что этот способный, образованный и такой смелый мужчина комплексует из-за внешности. Тогда-то я и начала понимать природу его бравады: он бесстрашно задавал трудные вопросы и в погоне за сюжетом бросался очертя голову в самое пекло, чтобы заставить всех забыть о своем росте. И не только росте. Втайне он считал себя белой вороной, вечным неудачником, чей удел – высунув в окошко нос, смотреть на мир, в котором он чувствовал себя чужим. Мне понадобилось некоторое время, чтобы распознать в Тони эту неуверенность, настолько умело скрывал он этот комплекс, демонстрируя окружающим свое превосходство. Но однажды он открылся в общении с другим англичанином – корреспондентом «Дейли телеграф» по фамилии Уилсон. Уилсону не было и тридцати пяти, но его шевелюра уже изрядно поредела, он

² «Братья-мусульмане» («Гамаат аль-ихван аль-муслимин») – исламистская организация, созданная в Египте в конце 1920-х гг.

располнел и как-то оплыл. По выражению Тони, стал похож на круг камамбера, забытый на солнцепеке. Я относилась к нему спокойно, хотя из-за манеры говорить – он лениво тянул гласные – и преждевременной полноты (не говоря уж о неизменных куртке сафари немыслимого покроя и фланелевой клетчатой рубаше) он смахивал на героя мультфильма. Тони держался с Уилсоном вполне корректно, но на самом деле терпеть его не мог – особенно после одного разговора, происшедшего между ними в клубе «Гезира». Уилсон нежился на солнце у бассейна. Голый по пояс, он красовался в клетчатых длинных шортах и замшевых туфлях с носками. Зрелище было не из приятных. Поприветствовав нас, он спросил Тони:

– Ну что, на Рождество домой?

– В этом году вряд ли.

– Ты ведь тоже лондонец, верно?

– На самом деле, из Бакингемшира.

– А точнее?

– Эмершем.

– А... Эмершем, как же. Девятая зона метро, линия Метрополитен. Выпьем?

У Тони лицо сделалось каменным, но Уилсон, казалось, ничего не заметил. Он окликнул официанта, заказал три джина с тоником, потом извинился и отошел в туалет. Как только он удалился на достаточное расстояние, Тони прошипел:

– Тупой придурок.

– Ты что, Тони? – Меня удивила эта необычная для него вспышка гнева.

– «Девятая зона метро, линия Метрополитен» – передразнил он, пародируя сочный акцент Уилсона. – Я так и знал, что он это скажет. Обязательно лягнет, влезет со своей издевочкой.

– Слушай, но он же просто сказал...

– Я понял, что он сказал – я слышал каждое долбаное слово.

– И что он хотел сказать?

– Ты просто не понимаешь.

– Да уж, для меня это слишком тонко, – ответила я беспечно. – А может, я просто тупая американка и не улавливаю английские нюансы.

– Никто не улавливает английские нюансы. Англию трудно понять.

– Даже если ты англичанин?

– Особенно если ты англичанин.

Я была удивлена: его ответ показался мне уверткой. Потому что уж кто-кто, а Тони понимал Англию лучше некуда. В частности, он отлично понимал (и объяснил мне) свое положение на социальной лестнице. Эмершем был провинциальным, безнадежно мелкобуржуазным городком. Тони его ненавидел, хотя единственная его сестра – с которой они не виделись много лет – осталась жить там, под родительским

кровом. Их отец – рано ушедший из жизни из-за страстной любви к сигаретам «Бенсон и Хеджес» – работал делопроизводителем в архиве муниципального совета (откуда уволился только за пять лет до смерти). Мать – ее уже тоже не было в живых – трудилась в регистратуре врачебного кабинета, прямо напротив скромного пригородного дома на две семьи, в котором и прошло детство Тони.

Тони всегда мечтал порвать с Эмершемом, однако свое намерение осуществил не сразу – чтобы угодить отцу, он пошел учиться в Йоркский университет. Но, получив диплом (как выяснилось, диплом с отличием – Тони хоть и не сразу, но все-таки поведал мне в свойственной ему сдержанной манере, что ему присудили первую премию за успехи в английском), он решил с год повременить с поисками работы. Вместе с парой приятелей он отправился в Катманду, а оттуда каким-то образом добрался до Каира. Через два месяца Тони нанялся на работу в сомнительную англоязычную «Египетскую газету». С полгода он писал заметки об автомобильных авариях, мошенничествах, скандалах и прочих пустяках, а потом вернулся в Британию, где стал предлагать разным изданиям свои услуги в качестве внештатного корреспондента в Каире. Еще через год он уже регулярно поставлял в «Кроникл» короткие репортажи – а когда их египетского корреспондента отозвали в Лондон, Тони предложили работу в штате. С того момента он и «Кроникл» были неразлучны. Если не считать шести месяцев, которые он провел

в Лондоне в середине восьмидесятых (после чего пригрозил уволиться, если его снова не отправят «в поле»), Тони мотало из одной горячей точки в другую. Разумеется, несмотря на все разговоры о работе на переднем крае и о полной профессиональной независимости, Тони не мог заниматься только тем, что ему нравилось. Несколько раз ему приходилось, считаясь с интересами корпорации, тянуть лямку и в офисе – во Франкфурте, Токио и столичном Вашингтоне (городе, который Тони очень не любил). Несмотря на эти вынужденные уступки прозе жизни, Тони Хоббс был не таким, как большинство людей вокруг, и не собирался попадаться в ловушки домашнего уюта и карьерного роста. Ну прямо как я.

– Знаешь, я всегда старалась избегать таких вещей, просто спасаюсь от них бегством, – призналась я Тони примерно через месяц после того, как мы начали встречаться.

– А... так вот что это такое – вещь.

– Ты же понимаешь, о чем я.

– О том, чтобы я не вздумал преклонить перед тобой колени и сделать предложение, потому что ты собираешься разбить мне сердце?

Рассмеявшись, я сказала:

– Ну, вообще-то, я не собиралась этого делать.

– Тогда... в чем суть твоего высказывания?

– Суть в том, что...

Я замолкла, чувствуя себя полной дурой.

– Что ты хотела сказать? – поинтересовался Тони с очаровательной улыбкой.

– Суть в том, – продолжала я, заикаясь от неуверенности, – что я иногда страдаю от недержания речи. И... но больше я не собираюсь говорить всякие глупости.

– Не извиняйся, это ни к чему, – сказал он.

– Даже не собиралась, – ответила я раздраженно, а потом вдруг заявила: – Вообще-то, как раз извинялась. Потому что...

Боже, совсем запуталась, какая же я косноязычная и неловкая! Тони, хитро улыбаясь, продолжал разглядывать меня. Потом спросил:

– Так ты не планируешь спастись бегством?

– Да нет. Потому что... эээ, хм... потому что, знаешь...

– Я весь внимание.

– Потому что... черт, да просто мне с тобой так хорошо, и я сама поражаюсь тому, что так счастлива... именно потому, что я тысячу лет не ощущала ничего подобного, и я только из всех сил надеюсь, что и ты чувствуешь то же самое, потому что мне не хочется тратить попусту время с человеком, который не чувствует того же, потому что...

Он не дал мне договорить – нагнулся и поцеловал. Потом спросил:

– Это отвечает на твой вопрос?

– Ну...

Я и впрямь считаю, что поступки бывают красноречивее

слов, и все же хотелось услышать от него примерно то, что я ему только что высказала. Но я не раз убеждалась, что Тони не любитель сердечных излияний, и если уж мне откровенные разговоры на подобные темы даются нелегко, то он просто всячески их избегает. Поэтому я была искренне удивлена, услышав: «Что ж, я очень рад, что ты не собираешься от меня сбежать».

Было ли это признанием в любви? Я очень на это надеялась, ведь я-то к этому времени уже точно знала, что влюблена. А еще я знала, что моя неуклюжая тирада – максимум того, на что я способна по части объяснений в нежных чувствах. Мне всю жизнь трудно давалась подобная откровенность. Мои родители, школьные учителя, тоже были в этом не сильны – это были самые заботливые родители, настоящие друзья двум своим дочерям, но только не в том, что касалось внешнего проявления нежности и всяческих излияний.

– Знаешь, я только один раз видела, как они целуются, – сказала моя старшая сестра Сэнди вскоре после того, как родители погибли в автомобильной аварии. – Да и обнимались они нечасто. Но ведь это неважно, дело не в этом, правда?

– Да, – ответила я. – Совершенно не в этом.

После чего Сэнди уже не могла держать себя в руках и разрыдалась так громко, что это напоминало крики плакальщиц. Сама я на людях почти не плакала, даже во время похорон. Может быть потому, что потрясение оказалось слиш-

ком сильным и оглушило меня. Это случилось в 1988 году. Мне был двадцать один год. Я только что окончила последний курс колледжа и собиралась через пару месяцев приступить к работе в «Бостон пост». Мы с подругами только что подыскивали квартиру на троих в Бэк-Бэй³. Я только что купила первую машину (видавший виды «фольксваген»-жучок за тысячу баксов) и только что узнала, что у меня диплом с отличием. Родители были на седьмом небе от радости за меня. Они приехали в колледж на церемонию вручения дипломов и были так непривычно взволнованы и возбуждены, что даже остались на вечеринку, устроенную в честь актового дня. Я настаивала, чтобы родители и переночевали у меня, но они непременно хотели вернуться в Вустер вечером, чтобы с утра поспеть на какое-то важное церковное мероприятие (как и многие либералы в Новой Англии, родители были истовыми приверженцами унитариянства). Перед тем как сесть в машину, отец вдруг крепко меня обнял – это было так на него непохоже – и сказал, что любит меня.

Через два часа он задремал за рулем на шоссе, ведущем на юг. Машину развернуло, она на полном ходу врезалась в ограждение и при этом задела автомобиль на соседней полосе – «форд-универсал». В нем ехала семья из пяти человек. Двое пассажиров – молодая мать и ее сынишка – погибли. Погибли и наши родители.

На похоронах и поминках Сэнди все ждала, когда же я на-

³ Бэк-Бэй – престижный жилой район в Бостоне.

конец разрыдаюсь (сама она ревела непрестанно). Ее огорчало и тревожило, что я не способна дать волю чувствам и выплакаться (впрочем, и она, и все, кто общался со мной тогда, не могли не замечать, что происшедшее нанесло мне тяжелую и мучительную травму). Что ж, Сэнди отличалась эмоциональностью и даже взбалмошностью, не в пример прочим членам нашей семьи. При этом я всегда знала: Сэнди – человек, на которого я при любых обстоятельствах могу положиться (как она могла положиться на меня). Хотя характеры у нас были совершенно непохожими. Сэнди была настоящей домоседкой. Она пошла по стопам родителей, устроилась работать в школу, вышла замуж за учителя физкультуры, переехала в пригород Бостона и к тридцати годам уже родила троих ребятишек. За это время она позволила себе немного располнеть – перевалила через отметку в сто семьдесят фунтов⁴ (далеко не оптимальный вес для женщины ростом пять футов три дюйма⁵), а все оттого, что постоянно что-нибудь жевала. Иногда я намекала, что ей надо бы повесить на холодильник большой висячий замок, но не слишком настаивала на этом. Я никогда не смогла бы давить на Сэнди: она болезненно реагирует на любую критику, непосредственна, как ребенок, и вообще – она просто прелесть.

А еще Сэнди – единственная, с кем я всегда откровенно делилась и делюсь абсолютно всем, что со мной происходит

⁴ Около 77 кг.

⁵ Около 160 см.

– если не считать некоторого времени после гибели родителей. В то время я замкнулась, и никто не мог до меня достучаться. Спасла меня новая работа в «Пост». Мой начальник в отделе местных новостей, кажется, не рассчитывал, что я сразу выйду на службу, но я настояла на том, чтобы начать уже через десять дней после похорон. Я нырнула в работу с головой. Двухчасовой рабочий день был для меня обычным делом. Я подписывалась на все сверхурочные работы, хваталась за любой заваливающий сюжет – и быстро приобрела репутацию полнейшего трудоголика, на которого можно положиться.

Я работала уже месяца четыре, когда, возвращаясь вечером домой, обогнала на Боулистон-стрит пару примерно того же возраста, что мои родители. Они шли, держась за руки. В этой паре не было ничего особенного. Они вовсе не были похожи на моих маму с папой. Обычные, заурядные люди, видимо муж и жена, лет пятидесяти пяти, которые шли, держась за руки. Может, именно это меня и пробило – то, что им, в отличие от многих пар с большим стажем супружеской жизни, до сих пор явно нравилось быть вместе. Вот и моим родителям общество друг друга всегда доставляло радость. Как бы там ни было, в следующее мгновение я уже обнимала ближайший столб и, заливаясь слезами, редела как белуга. Я не могла остановиться, я даже не пыталась сдержать этот поток, который наконец настиг меня и захлестнул. Я долго простояла так, не двигаясь, обнимая столб, – горе вдруг стало

неизмеримым, бездонным. Появился полицейский. Он опустил мне на плечо ручищу и спросил, не нужна ли помощь.

«Где мои мама и папа?!» – чуть было не прорыдала я, готовая выпустить наружу шестилетнего ребенка, ведь он таится в душе у каждого из нас и в трудные минуты отчаянно нуждается в защите родителей. Но я умудрилась собраться и объяснить, что переживаю утрату близких и единственное, чем он может мне помочь, – это поймать такси. Полицейский взмахом руки остановил машину (в Бостоне это непросто, но на то он и полицейский). Он помог мне забраться на сиденье, сказав (неловко запинаясь, грубовато, но вместе с тем ласково), что «поплакать-то нужно, тогда полегче станет». Я поблагодарила и всю дорогу до дому сдерживалась. Но, оказавшись у себя, упала на кровать и снова зарыдала в полный голос, предаваясь горю. Не знаю, сколько времени это продолжалось, но когда я опомнилась, было два часа ночи, и я лежала, свернувшись калачиком, в полном изнеможении. Мне только хватило сил порадоваться, что обе мои соседки в ту ночь отсутствовали. Я вовсе не хотела, чтобы кто-нибудь увидел меня в таком состоянии.

Наутро, проснувшись, я обнаружила, что у меня распухло лицо, покраснели глаза и я не могу пошевелить ни рукой, ни ногой. Но слез больше не было. Я понимала, что второго такого нервного срыва позволить себе не могу. И потому, напустив на себя невозмутимый вид, отправилась на работу – а что еще я могла сделать? Неожиданная смерть всегда абсурд-

на и трагична. В тот единственный раз, когда я поделилась этой историей с Тони, я добавила: когда из-за нелепого стечения обстоятельств теряешь родителей – самых главных в мире людей, – начинаешь ясно понимать, как все в этой жизни зыбко, осознаешь, что так называемая «защищенность» – лишь видимость, хрупкая скорлупа, и может дать трещину в любой момент.

– Тогда ты и решила стать военным корреспондентом? – спросил он, ласково погладив меня по лицу.

– О, да ты прямо ясновидящий.

На самом деле мне понадобились долгие шесть лет и путь от коротких сообщений в отделе местных новостей до разделов экономики и культуры и даже небольшой собственной колонки на редакционной полосе. Потом меня наконец направили на полгода в Вашингтон. Если бы Ричард отважился на перевод в Токио, я бы, наверное, тогда выскочила за него.

– Пожалуй, ты слишком заупрямилась тогда с Токио, – заметил Тони.

– Представь, если б я тогда вышла за Ричарда, жила бы сейчас в тихой дыре вроде Уэлсли⁶. У меня было бы двое детей, джип «чероки», и я бы пописывала статейки в «Пост»... Не такая уж плохая жизнь. Вот только меня не носило бы по всему миру, и я не пережила бы даже четверти своих приключений, а ведь мне за это еще и деньги платят.

– И ты не встретила бы меня, – добавил Тони.

⁶ Уэлсли – пригород Бостона.

– Верно, – отвечала я, целуя его. – Не встретила и не полюбила бы тебя.

Пауза. Я была поражена своими словами даже больше, чем он.

– И как это я ляпнула? Вырвалось... – пробормотала я.

Тони поцеловал меня.

– А я этому рад, – сказал он. – Потому что чувствую то же самое.

То, что я, оказывается, влюблена, меня ошеломило. Поразительно было и то, что мне отвечал взаимностью именно такой человек, какого я втайне всегда мечтала встретить, но была уверена, что в реальной жизни подобных мужчин нет (журналисты, по большей части, никуда не годились).

Какая-то природная осторожность или подозрительность заставляла меня сдерживаться, не торопить события. По той же причине мне не хотелось задумываться о том, сколько еще мы будем вместе – неделю, месяц, неважно. Я чувствовала, что и с Тони происходит то же самое. Он ничего не рассказывал о своих прошлых романах – только раз упомянул, что однажды чуть было не женился («но все пошло кувырком... и вообще, наверное, все к лучшему»). В ответ на попытку выяснить хоть какие-то подробности (в конце концов, рассказала же я про Ричарда) Тони быстро сменил тему, а я и не настаивала, решив, что со временем он сам мне все расскажет. Дело было еще и в том, что за два месяца жизни рядом с Тони Хоббсом я прекрасно поняла: он ненавидит,

когда его припирают к стенке или требуют объяснений.

Мы не торопились афишировать отношения перед коллегами, каирскими журналистами. И вовсе не потому, что боялись сплетен – просто мы оба считали, что это никого, кроме нас, не касается. Так что на людях мы держались так, словно нас не связывает ничего, кроме профессиональных интересов.

Ну, по крайней мере, мне так казалось. До тех пор, пока Уилсон – тот самый толстяк из «Дейли телеграф» – не дал мне понять, что дело обстоит иначе. Он позвонил мне в офис и пригласил вместе перекусить в обеденный перерыв, заметив, что нам необходимо обстоятельно побеседовать. Это было сказано в характерной для него высокопарной манере – а потому прозвучало как приглашение от члена королевской семьи. Можно было подумать, что он оказывает мне особую честь, предлагая посидеть в дешевой кофейне отеля «Семирамарис». Как выяснилось, он надеялся, что я поделюсь с ним кое-какой информацией о египетском правительстве, а также некоторыми своими связями. Поэтому, когда речь вдруг зашла о Тони, это застало меня врасплох – мы ведь были уверены, что никто ни о чем не догадывается. Это оказалось верхом наивности, учитывая особенности журналистской тусовки в таких местах, как Каир, где каждому известно, что его коллега ел на завтрак. Тем не менее я вздрогнула, услышав:

– Ну, а как дела у мистера Хоббса?

Я попыталась сохранить невозмутимый вид.

– Полагаю, у него все хорошо.

Услышав столь сдержанный ответ, Уилсон хмыкнул:

– Полагаешь, значит?..

– Откуда же мне знать?

Еще одна елейная улыбочка.

– Понимаю.

– Но если это тебе так интересно, – продолжала я, – почему бы не позвонить ему в офис и не спросить у него самого?

Это замечание Уилсон пропустил мимо ушей и заметил:

– Интересный он фрукт, этот Хоббс.

– В каком смысле?

– О, это я о его хваленном безрассудстве и о том, что он якобы не умеет угождать начальству.

– Ничего об этом не знаю.

– Ав Лондоне всем давно известно, что Хоббс – сущий монстр по части офисных интриг. От него всего можно ожидать, совершенно непредсказуем, – но при этом репортер талантливый, только поэтому его и терпят столько лет.

Он смотрел на меня, ожидая ответа. Я промолчала. Уилсон расплылся в улыбке – видно, сочтя мое молчание признаком замешательства (тут он был прав). Потом добавил:

– Но ты, надеюсь, в курсе, что в любовных делах он всегда ведет себя, как... хм... как бы поточнее выразиться?.. ну, скажем, как бешеный бык. Меняет женщин, как...

– С чего ты вдруг об этом заговорил? – весело перебила я.

Настала его очередь изумляться – хотя удивление было деланым, почти театральным.

– Да просто к слову пришлось. – Он притворился смущенным. – Да и посплетничать захотелось. А самая главная сплетня про мистера Энтони Хоббса – то, как одна женщина разбила старому пройдохе сердце. То есть это, конечно, старые слухи, но...

Он замолчал на полуслове, дразня мое любопытство. И я, как идиотка, поддалась на провокацию:

– Что за женщина?

Тут-то Уилсон и рассказал мне про Элейн Планкет. Я слушала, не в силах сдержать любопытство – и растущую неприязнь. Уилсон говорил тихо, доверительно, но при этом легко и даже игриво. Нечто подобное я и раньше замечала за некоторыми англичанами, когда они общаются с американцами (или еще того хуже – с *американками!*). Они считают нас простаками, неспособными понимать тонкий юмор, и противопоставляют нашей бесхитростной прямолинейности легчайшую иронию – такую особую интонацию, когда решительно ни о чем не говорится всерьез... даже если речь идет о самых важных вещах.

Именно в таком стиле и общался со мной Уилсон, но ощущение легкости нарушалось сквозившим в голосе ехидством и даже злобой. И все же я слушала его рассказ с напряженным вниманием. Потому что он говорил о Тони, в которого я была влюблена.

Итак, благодаря любезности Уилсона, я узнала, что некогда сердце Тони разбила женщина – ирландская журналистка Элейн Планкет, с которой они работали в Вашингтоне. Само по себе меня это не огорчило – я твердо решила не изображать ревнивую дуру и не теряться в бесплодных догадках по поводу этой Планкет и того, не вернется ли она к Тони... или, еще того хуже, не она ли – любовь всей его жизни. Но не могу выразить, до чего противна была мне игра, которую вел Уилсон, – хотелось врезать ему по физиономии. Со всей силы. Но я молча слушала и ждала, когда же в его монологе наступит пауза.

– ... так вот, после того как Хоббс пустил слезу перед нашим общим знакомым в Вашингтоне... знаешь Кристофера Перкинса?.. так неосмотрительно, просто фантастика... ну, в общем, Хоббс немного расчувствовался, когда они с Перкинсом выпивали. А на другой день, представь, история была известна уже всему Лондону. Железный Хоббс расклеился из-за бабы-журналистки...

– Такой же, как я, хочешь сказать?

Уилсон хохотнул, но ничего не ответил.

– Ну же, не молчи, отвечай, – настаивала я громким, веселым голосом.

– А какой был вопрос?

– Похожа я на эту Элейн Планкет?

– Откуда я знаю? В смысле, я ее и не видел никогда.

– Да. Но я тоже – баба-журналистка. И тоже сплю с Тони

Хоббсом.

Долгая пауза. Уилсон попытался скрыть замешательство. Это ему не удалось.

– Я не знал, – выдавил он наконец.

– Лжец, – произнесла я со смехом.

Это слово подействовало на него как пощечина.

– Что ты сказала?

Одарив его ослепительной улыбкой, я пояснила:

– Назвала тебя лжецом. И повторяю это, потому что ты лжешь.

– Я просто думал...

– О чем? Что можно немного поразвлечься за мой счет, а потом улизнуть?

Он ерзал на стуле своим толстым задом и комкал в руке носовой платок.

– Я действительно не хотел тебя обидеть.

– Но обидел.

Уилсон начал озираться, отыскивая глазами официанта.

– Вообще-то, мне пора...

Я перегнулась к нему через стол, почти вплотную приблизившись к его лицу. И все тем же бодрым, легким тоном заявила:

– Вижу, ты ничем не отличаешься от остальных мелких мерзавцев. Точно так же бежишь, поджав хвост, как только почуял, что тебе могут дать сдачи.

Он поднялся и вышел, не извинившись. Англичане нико-

гда не просят прощения.

– Убежден, что далеко не все американцы бросаются просить прощения по любому поводу, – парировал Тони, когда я поделилась с ним своим наблюдением.

– Они лучше воспитаны, чем вы.

– Это потому, что они растут со скрытым пуританским комплексом вины... и с представлением, что за все нужно платить.

– А англичане...

– А мы полагаем, что можно удрать безнаказанно... если удастся.

У меня было искушение рассказать ему обо всем, что я узнала от Уилсона. Но мне казалось, что ничего хорошего из этого не выйдет. Наоборот, я опасалась, что, узнав о моей осведомленности, он почувствует себя незащищенным или – еще того хуже – попавшим в неловкое положение (а этого все британцы боятся как огня). В общем, я решила не говорить ему даже о том, что, услышав историю об Элейн Планкет, полюбила его еще сильнее. Ведь отныне я знала, что он так же уязвим и раним, как все смертные. Странно, но эта его слабость была мне по душе – она свидетельствовала о том, что он может быть таким разным.

Прошло две недели, и мне представилась возможность понаблюдать за Тони на его территории. Совершенно неожиданно он вдруг спросил:

– Как насчет того, чтобы сбежать в Лондон на несколько

дней? – Он пояснил, что его вызывают в «Кроникл». – Ничего страшного – просто ежегодный обед с главным редактором, – обронил он небрежно. – Что думаешь о паре дней в «Савое»?

Долго уговаривать меня не пришлось. В Лондоне я была только один раз, в середине восьмидесятых, еще до моих заграничных командировок. Я отправилась тогда в суматошный двухнедельный тур по европейским столицам, в программу которого входили четыре дня в Лондоне. Мне понравилось тогда то, что я увидела. Конечно, видела я немного: несколько исторических памятников и музеев, пара интересных спектаклей и беглое знакомство с жизнью местных обитателей – состоятельных, из тех, кто может позволить себе отдельный дом в Челси⁷. В общем, мое знакомство с Лондоном было очень поверхностным.

Надо сказать, что номер в «Савое» тоже дает не слишком объективное представление о реальной лондонской жизни. Я была в полном восторге, оказавшись в люксе с видом на Темзу, в котором нас ожидала бутылка шампанского в ведерке со льдом.

– «Кроникл» всегда так принимает своих зарубежных корреспондентов? – спросила я.

– Шутишь? – ответил Тони. – Просто управляющий – мой давний приятель. Мы с ним очень подружились в Токио, он там работал в «Интерконтинентале». Теперь, если я бываю в

⁷ Челси – один из самых дорогих и модных районов Лондона.

городе, он всегда рад меня принять.

– Уф, прямо от сердца отлегло, – с облегчением вздохнула я.

– Почему?

– Потому что ты не нарушил одного из главных правил журналиста – никогда ни за что не платить.

Он засмеялся и потащил меня в постель. Потом плеснул шампанского в бокал.

– Не буду пить, – запротестовала я. – Не могу, я на антибиотиках.

– Давно?

– Со вчерашнего дня, ходила к врачу с фарингитом, он прописал.

– У тебя фарингит?

Я широко открыла рот:

– Давай загляни.

– Нет уж, спасибо, – сказал он. – Так вот почему ты не пила в самолете?

– Выпивка и антибиотики не сочетаются.

– Сказала бы раньше.

– Зачем? Подумаешь, горло болит.

– Э, да ты крутая!

– Да, я такая, а ты не знал?

– Должен сказать, я в некоторой растерянности. С кем же прикажешь мне пить все это время?

Вопрос был риторическим, ибо на протяжении наших

трех дней в Лондоне у Тони всегда было с кем выпить. Каждый вечер мы встречались с кем-то из его знакомых или коллег-журналистов. Все его друзья-приятели, без исключения, пришлись мне по душе. Кейт Медфорд – давнишняя коллега из «Кроникл», которая теперь вела большой вечерний обзор новостей на Радио Би-би-си, – устроила для нас обед. Они с мужем, онкологом Роджером, принимали нас у себя дома, в зеленом предместье Чизвик. В другой раз мы провели великолепный вечер с морем выпивки (для Тони, во всяком случае) с его приятелем Дермотом Фэйхи, журналистом, ведущим постоянную рубрику в «Индепендент», и большим любителем поговорить! Как выяснилось, он был к тому же известным бабником и весь вечер плотоядно поглядывал на меня, что очень веселило Тони (потом он сказал мне: «Дермот так себя ведет со всеми женщинами», на что мне только и оставалось ответить: «Ну, спасибо»). Еще мы встречались с бывшим репортером из «Телеграф», Робертом Мэтьюсом, только что получившим неплохой гонорар за свою первую книгу, триллер в стиле Роберта Ладлэма. После долгих уговоров он все-таки затащил нас на дорогуший ужин в «Айви»⁸, заказывал вино по 60 фунтов за бутылку и пил слишком много, попутно потчужа нас мрачными и в то же время забавными историями о своем недавнем разводе. Рассказывал он блестяще, с непроницаемо-бесстрастным лицом подсмеиваясь над самим собой, но было понятно, что за этими

⁸ «Айви» – элитный ресторан в районе Вест-Энд.

шутками скрываются боль и страдание.

Все друзья Тони были первоклассными собеседниками, с удовольствием засиживались допоздна, пили, но немного – не больше трех бокалов вина – и (что производило на меня неизгладимое впечатление) практически не говорили о себе. Даже притом что все они не виделись с Тони по году и больше, работа упоминалась лишь вскользь (в шутливых замечаниях, вроде «Ну что, Тони, эти исламисты со своим джихадом ни разу тебя не подстрелили?»). Если разговор касался личных тем – например, развода Роберта, – просто отшучивались. Даже когда Тони начал расспрашивать Кейт про ее дочь-подростка (которая, как оказалось, страдала анорексией и находилась в критическом состоянии), она ответила: «Перефразируя то, что Россини сказал об операх Вагнера, время от времени выпадают великолепные пятнадцать минут».

Больше к этой теме не возвращались.

Меня удивляло, что они умудряются сказать ровно столько, чтобы дать друг другу представление о своей жизни и состоянии дел, но стоит разговору коснуться чего-то личного, как его тут же переводят на общие темы. Я поняла, что здесь не принято обсуждать свои дела в компании больше двух человек, и особенно в присутствии посторонних, вроде меня. Впрочем, мне нравилась их манера ведения беседы и постоянное легкое подшучивание. В разговоре поднимались и серьезные темы, но обсуждали их все в том же грубова-

то-ироничном стиле. Ни разу я не заметила пылкой искренности, характерной для застольных бесед американцев. Действительно, говорил же мне как-то Тони, что основное различие между янки и британцами в том и состоит, что американцы считают жизнь штукой серьезной, но не безнадежной, а англичане – безнадежной, но не серьезной.

Три дня с лондонскими приятелями Тони убедили меня в том, что это правда. Еще я обнаружила, что с легкостью могу поддерживать подобный треп. Тони знакомил меня с друзьями и был явно доволен, видя, как органично я вписываюсь в их компанию. А мне было страшно приятно, что он гордится и даже хвастается мной. Мне тоже хотелось похвалиться Тони, но моя единственная подруга в Лондоне, Маргарет Кэмпбелл, как раз уезжала на эти дни. Пока Тони обедал со своим главным редактором, я поехала на метро в Хэмпстед и любовалась богатыми жилыми кварталами, а потом целый час гуляла по парку Хит⁹, ежеминутно повторяя про себя, как же здесь хорошо. Возможно, отчасти мой восторг объяснялся тем, что после безумной суматохи и толчеи Каира Лондон мне показался образцом чистоты и порядка. Конечно, за целый день я видела и мусор на тротуарах, и граффити, и спящих на улице бродяг, и автомобильные пробки. Но из-за того, что в Лондон я приехала с Тони, город казался мне еще красивее, чем был на самом деле. Тони, видимо, чувствовал то же, потому что сказал, что впервые за долгие

⁹ Хэмпстед-Хит (или Хит) – большой парк на севере Лондона.

годы он вдруг «заново открыл» Лондон.

О своем обеде с главным редактором Тони почти ничего не рассказал – обмолвился только, что все прошло хорошо. Но через пару дней он вдруг решил посвятить меня в детали их встречи. До вылета в Каир оставался час, когда он повернулся ко мне:

– Мне нужно кое-что тебе сказать.

– Что-то важное? Ты так серьезен. – Я отложила роман, который читала.

– Я не серьезен, просто интересно.

– Ты имеешь в виду...

– Ну, в общем-то, я не хотел заговаривать об этом, пока не вернемся из Лондона, потому что жаль было бы тратить последние два дня на обсуждение этой темы.

– Какой темы?

– Главный предложил мне новую работу.

– Что за работа?

– Заведующий отделом внешней политики.

Потребовалось несколько секунд, чтобы до меня дошло.

– Поздравляю. Ты согласился?

– Конечно нет. Потому что...

– Что?

– Ну... потому что я хотел сначала переговорить с тобой.

– Потому что это означает перевод в Лондон?

– Вот именно.

– Ты этого хочешь?

– Скажем так: его светлость очень прозрачно намекал, что я должен принять должность. Еще он намекнул, что после двадцати лет «в поле» настало время потрудиться в редакции. Конечно, можно было бы настаивать, чтобы меня оставили на прежнем месте, но не думаю, что мне удалось бы его убедить. Кроме того, возглавлять такой отдел – это, мягко говоря, не понижение...

Пауза. Я сказала:

– Значит, собираешься принять предложение?

– Думаю, придется. Но... это не означает, что я должен возвращаться в Лондон один.

Снова пауза: я обдумывала его последнее замечание. Наконец произнесла:

– У меня тоже есть новости. И мне надо кое в чем признаться.

Он встревоженно посмотрел на меня:

– Что за признание?

– Я не принимаю антибиотики. Потому что горло у меня не болит. Но мне все равно нельзя пить, потому что... в общем, я беременна.

Глава третья

Тони достойно воспринял известие. Не вздрогнул, не побледнел. Конечно, на миг он оторопел, потом ненадолго задумался. Но после этого взял меня за руку, сжал ее и произнес:

- Хорошие новости.
- Ты правда так думаешь?
- Ну конечно. А ты уверена?..
- Тест дал положительный результат, – сказала я.
- Ты хочешь оставить ребенка?
- Мне тридцать семь лет, Тони. А это значит – теперь или никогда. Но то, что я хочу оставить его, вовсе не значит, что ты обязан быть с нами. Конечно, я была бы рада. Но...

Он пожал плечами:

- Я хочу быть с вами.
- Уверен?
- Абсолютно. И хочу, чтобы ты поехала со мной в Лондон. Настала моя очередь слегка побледнеть.
- Ты как себя чувствуешь? – спросил он.
- Удивлена...
- Что тебя удивило?
- Направление, которое принял наш разговор.
- Тебя что-то волнует?

Это было мягко сказано! Хотя мне и удавалось скрывать

тревогу во время поездки в Лондон (не говоря уж о неделе до отъезда, когда я уже знала от своего врача в Каире о положительном результате теста на беременность), она не оставляла меня ни на минуту. И у меня были для этого основания.

Да, какая-то часть меня спокойно радовалась беременности, но другая, не менее значительная часть моей личности была в ужасе. Может, дело было в том, что я как-то не думала, что могу забеременеть. Нет, с гормонами и инстинктами у меня все было в порядке, просто в моей вольной и независимой жизни совершенно не было места для такого ответственного дела, как материнство. Поэтому открытие, что я *уже* беременна, меня потрясло и выбило из колеи.

Однако люди никогда не устают нас удивлять. Тони это, безусловно, удалось. По пути в Каир он до конца полета говорил мне, что беременность – это просто прекрасно; что вкупе с его переводом в Лондон это прекрасно вдвойне; что он видит в этом перст судьбы и что нам предстоит принять важное решение. Все это произошло как раз вовремя. Потому что мы так чертовски здорово подходим друг другу. Конечно, нам придется притираться, когда начнем жить одним домом, а мне придется привыкнуть к работе в редакции (Тони не сомневался, что я сумею убедить руководство «Пост» перевести меня в лондонский офис), но разве уже не ясно, что нам обоим пора смириться с неизбежностью и вообще остепениться?

– Ты имеешь в виду женитьбу? – спросила я, когда он на-

конец закончил.

Хоть и не глядя мне в глаза, он все же ответил:

– Ну... да, я... хм... да, наверное, так.

Внезапно мне отчаянно захотелось хлопнуть стакан водки, и я страшно пожалела, что не могу себе этого позволить.

– Мне нужно обо всем как следует подумать.

Тони сразу умолк. Он не давил на меня и всю следующую неделю не задавал никаких вопросов. Да это и было бы не в его стиле. Итак, вернувшись из Лондона, мы дали друг другу несколько дней на раздумье. Вернее так: *он* дал мне время на раздумье. Да, мы дважды в день разговаривали по телефону и даже один раз пообедали вместе – и при этом ухитрялись обходить молчанием вопрос, который интересовал обоих. В конце концов я спросила:

– Ну что, ты уже сообщил в «Кроникл» о своем решении?

– Нет, я ведь ожидаю кое от кого уточнений.

Говоря это, Тони слегка улыбнулся. От него ожидали ответа, но он не хотел давить на меня. А я невольно сравнивала его с Ричардом Петтифордом, поведение которого не выдерживало никакого сравнения с терпением Тони. Пытаюсь уговорить меня выйти за него замуж, Ричард то и дело выходил за рамки дозволенного, обращаясь со мной (чисто адвокатские штучки), как с упрямым присяжным, которого нужно заставить поменять точку зрения.

Я спросила:

– В ближайшие три месяца ты не уедешь?

– Нет, но главному редактору нужен мой ответ до конца недели.

И он сменил тему.

Тем временем я не только все обдумывала, но еще и сделала множество важных телефонных звонков, первый – Томасу Ричардсону, главному редактору «Бостон пост», человеку, с которым у меня сохранялись теплые, даже сердечные отношения, хоть и на изрядном расстоянии. Янки старой закалки, он, как и я, ценил прямоту. Поэтому, когда он взял трубку, я была с ним совершенно честна. Я объяснила, что выхожу замуж за журналиста из «Кроникл» и собираюсь переехать в Англию. Еще я сказала, что «Пост» для меня – родной дом и я хотела бы остаться в газете. Но нужно учитывать и то обстоятельство, что я жду ребенка, а значит, месяцев через семь мне неизбежно потребуется отпуск на двенадцать недель.

– Ты ждешь ребенка? – В его голосе слышалось искреннее удивление.

– Похоже на то.

– Так это же чудесная новость, Салли. И я прекрасно понимаю, что ты хочешь родить и растить его в Лондоне...

– Но мы переедем туда не раньше, чем через три месяца.

– Что ж, я уверен, за это время мы подыщем тебе место в нашем лондонском отделении. Один наш корреспондент как раз поговаривает о возвращении в Бостон, так что со временем ты подгадала как нельзя лучше.

Меня слегка встревожило то, как легко босс отнесся к идее моего переезда в Лондон. Теперь у меня не было отговорок, чтобы отказаться следовать за Тони. Узнав, что мой перевод в лондонское отделение «Пост» – дело вполне реальное, я ощутила настоящий страх перед предстоящими глобальными переменами. Конечно, реакция босса обнадеживала: он не считал меня предателем. И мне не грозил перевод куда-нибудь в Улан-Батор. И я не теряла работу. Ну а что, если окажется, что сидеть в конторе невыносимо скучно? И неужели мы теперь привязаны к Лондону до конца наших дней?

– В конце концов, мы не из тех, кто ограничивает чужую свободу, правда? – спросил Тони.

– Ни в коем случае, – ответила я.

– Рад слышать, – фыркнул он. – Стало быть, это еще не конец света, если мы поженимся через пару недель, а?

– С каких пор ты стал таким романтичным?

– С тех пор, как поговорил с одним парнем в нашем консульстве.

Оказалось, тот «парень» объяснил Тони, что мой переезд в Британию – как и перевод на работу – будет намного легче оформить, если мы станем мужем и женой. А если я останусь одиночкой, придется долгие месяцы биться лбом об стенку, пытаясь победить бюрократию иммиграционной службы. И вновь я подивилась, как круто и быстро меняется моя жизнь. Вот что такое судьба! Живешь себе, плывешь по течению,

наивно полагая, что траектория твоей жизни уже определена (особенно если ты уже на пороге среднего возраста). Но вдруг встречаешь человека, позволяешь вашим отношениям развиваться, — и вот ты уже ступила на опасную территорию, имя которой «любовь». Не успеешь оглянуться — и ты уже звонишь на другой конец земли своей единственной родственнице, чтобы сообщить, что ты не только беременна, но еще и...

— Выходишь замуж? — переспросила Сэнди ошарашенно.

— А что в этом необычного?

— Ничего, как и в том, чтобы впервые забеременеть в тридцать семь лет.

— Поверь, все вышло совершенно случайно.

— О, в это я охотно верю. Потому что мне и в голову бы не пришло решить, что ты специально постаралась залететь. Кто угодно, только не ты. А как Тони это воспринял?

— Очень хорошо. Лучше, чем я, честно говоря. Я имею в виду, он даже произносил всякие ужасные слова, вроде «пора остепениться», причем в хорошем смысле.

— Может, он понял что-то, что до тебя никак не дойдет...

— Это ты о том, что каждому приходит пора остепениться? — Ехидство в моем голосе почти не было заметно.

Хотя Сэнди одобряла мою работу и постоянные разъезды, время от времени она заводила нудные разговоры об одинокой старости, которая меня ждет, и о том, что надо завести ребенка, а то пожалею, но будет поздно. Что-то в моей

вольной бродячей жизни ее тревожило. Поймите правильно: о зависти тут и речи не было. Она так обрадовалась моим новостям просто потому, что в душе надеялась: когда я стану матерью, у нас наконец появится больше общего. И я наконец спущусь с облаков на грешную землю.

– Эй, алё... я что, *велела* тебе залететь? – спросила Сэнди.

– Да нет, просто последние десять лет ты одолевала меня расспросами, когда же это произойдет.

– И вот наконец свершилось. Я за тебя страшно рада. И сгораю от нетерпения, хочу познакомиться с Тони.

– Приезжай в Каир на свадьбу на той неделе.

– На следующей неделе? – удивленно переспросила Сэнди. – А почему так скоро?

Я объяснила, что хочу побыстрее оформить перевод на работу и вид на жительство, ведь уже через три месяца нам предстоит переезд в Лондон.

– Господи, просто ураган какой-то.

– И не говори.

Мне было ясно: Сэнди на нашу свадьбу наверняка не придет. И не только потому, что в тот момент у нее было туговато с деньгами. Дело в том, что любой выезд за границу Соединенных Штатов казался ей таким же опасным событием, как экспедиция в джунгли. Вот почему я была почти уверена – Сэнди обязательно найдет причину избежать поездки в Египет. Она не раз говорила мне: «В этом мы с тобой не похожи – меня совсем не тянет *куда-то туда*». Мне мно-

гое нравится в сестре, но больше всего то, что она совершенно не рисуется, говоря о себе. «Я ограниченная», – однажды сказала она мне. Признание самоуничижительное и, в чем я искренне убеждена, несправедливое, ведь Сэнди совсем не дурочка. Она очень умная и очень образованная женщина, которая не опустила рук и стойко держалась, когда три года назад ее бросил муж.

Через месяц после его внезапного ухода Сэнди, едва оправившись, нашла работу учителя истории в маленькой частной школе – и умудрялась сводить концы с концами, выплачивать долг по ипотеке и воспитывать троих детей. Для этого (о чем я ей и сказала) требовалось несравненно больше отваги и мужества, чем мне для разъездов по горячим точкам Ближнего Востока. Теперь же наставал мой черед знакомиться со всеми тонкостями и прелестями семейной жизни – и даже сквозь помехи на линии Сэнди почувствовала, как я боюсь.

– У вас все будет просто прекрасно, – уверила она. – Даже еще лучше. Просто классно. В конце концов, ты же не собираешься бросать работу, и тебя не заставляют ехать в Лоренс (этот городишко нам с Сэнди казался самым ужасным в Массачусетсе). Речь ведь шла о Лондоне, кажется? А материнство тебя вообще не должно пугать – ты же столько раз бывала в зоне военных действий, так это почти то же самое.

Я невольно хихикнула. И задумалась: шутит она или говорит правду?

Но в следующие месяцы у меня решительно не было возможности сидеть и размышлять о грядущих переменах в жизни. Тем более что как раз в это время Ближний Восток то и дело выкидывал какой-нибудь безумный фокус: то кризис израильского кабинета министров, то покушение на жизнь премьер-министра в Египте, то на Ниле в Северном Судане перевернулся паром и все сто пятьдесят пассажиров погибли. По утрам меня жутко тошнило, но это только подчеркивало банальность происходящего со мной по сравнению со всеми этими катастрофами. Отвлекали меня и книги по уходу за детьми, которые я выписывала по Интернету, – я глотала их одну за другой, изучала так же, как иные туристы перед дальней поездкой лихорадочно листают путеводители. Вот и я, вернувшись домой после работы над репортажем о вспышке холеры в дельте Нила, начинала читать про колики, ночные кормления, молочные корочки у новорожденных, знакомясь с новыми для себя словами и понятиями из этой области.

– Знаешь, о чем я буду скучать, когда уеду с Востока? – сказала я Тони накануне свадьбы. – Мне будет не хватать риска, всего этого безумия и сумятицы.

– Думаешь, в Лондоне тебя ждет только будничная скука?

– Этого я не говорила.

– Но именно *это* тебя беспокоит.

– Ну да, немножко. А тебя нет?

– Там *будут* и неожиданности, и перемены.

– Особенно с «дополнительным багажом».

– Ты случайно не себя имеешь в виду? – осведомился он.

– Вряд ли.

– Что ж, дополнительный багаж, как ты выразилась, меня только радует.

Я расцеловала его:

– А я рада, что ты рад.

– Конечно, привычный уклад придется поменять, но все будет просто прекрасно. И уж поверь мне, Лондон тоже по-своему безумен.

Мне вспомнилось это замечание через полтора месяца, когда мы летели на север, готовясь приземлиться в аэропорту Хитроу. Спасибо «Кроникл», они оплатили своему новому заведующему внешнеполитическим отделом и его супруге места в бизнес-классе. Спасибо «Кроникл», на шесть недель, пока мы занимались поисками дома, нам предоставили редакционную квартиру в Уоппинге, неподалеку от редакции. Спасибо «Кроникл», весь наш багаж отправили из Каира морем и оплатили хранение его на складе до тех пор, пока мы не определимся с жильем. И еще, благодаря «Кроникл», в аэропорту нас встретил большой черный «мерседес», на котором мы долго ползли к центру Лондона по запруженным машинами улицам.

Пока машина дюйм за дюймом пробиравлась вперед, я тронула Тони за руку – и, невольно взглянув на сверкающие платиновые кольца, к которым еще не успела привык-

нуть, вспомнила шумную и веселую церемонию в каирском офисе регистрации браков – настоящем сумасшедшем доме под открытым небом. Там мы надели друг другу эти кольца, и чиновник, похожий на арабский вариант Граучо Маркса, объявил нас мужем и женой. И вот мы здесь – всего через несколько месяцев после тех безумных суток в Сомали – едем себе по трассе М4...

... в Уоппинг.

Да, Уоппинг меня и впрямь удивил. Автомобиль выбрался наконец с шоссе и направился к югу, мимо жилых домов из красного кирпича. Я развлекалась, следя за чехардой архитектурных стилей и эпох: от Виктории и Эдварда до современной муниципальной застройки в шлакоблочном стиле «чем дешевле – тем круче». Был зимний вечер, уже начало темнеть. Но, несмотря на сумрак, я разглядела, что Лондон – настоящая головоломка, задача повышенной сложности для упражнения в спортивном ориентировании. Городской пейзаж напоминал меню из китайского ресторана: видимая логика в нем отсутствовала, а роскошь соседствовала с убожеством. Конечно, я замечала это смешение всего и раньше, когда была здесь вместе с Тони. Но тогда, как всякий турист, я невольно сосредотачивалась на более приятных вещах – и, как всякий турист, я совсем не видела Южного Лондона. Главное, я даже бывала здесь, в те дни мы несколько раз проезжали по этим местам – но тогда я расслаблялась и попросту отключила свой профессиональный нюх. А те-

перь – *теперь* я, кажется, приехала к себе домой. Поэтому я прижала нос к стеклу «мерседеса» и глазела: мокрые тротуары, переполненные мусорные контейнеры, бесчисленные забегаловки, изредка элегантные дома, расположенные полукругом, большой зеленый парк (Клэпхем Коммон, пояснил Тони), жутковатый клубок узких улочек (Стоквелл и Воксхолл), потом сплошь административные здания, за ними – великолепный вид на парламент, и снова конторы, офисы, безликие кирпичные дома, внезапно – Тауэрский мост, затем туннель – и... Уоппинг.

Симпатичные новостройки, несколько старых пакгаузов, пара башен с офисами и громадный приземистый промышленный комплекс, упрятанный за высоченные кирпичные стены с колючей проволокой по верху.

– Это что? – вырвалось у меня. – Местная тюрьма?

Тони расхохотался:

– Здесь я работаю.

Отъехав примерно на четверть мили от этих строений, «мерседес» остановился у входа в современное девятиэтажное здание. Мы поднялись на лифте на пятый этаж. Коридор был оклеен невыразительными кремовыми обоями, на полу – нейтрального цвета палас. Мы открыли облицованную шпоном дверь. Водитель протянул каждому из нас по ключу.

– Предоставляю честь тебе, – улыбнулся Тони.

Я отперла дверь и шагнула в небольшую квартирку. Единственная квадратная комната была обставлена в характер-

ном стиле четырехзвездочной гостиницы, окно выходило в пустынный проулок.

– Ну что ж, – пробормотала я, осматриваясь, – хороший стимул поскорее найти дом.

За поиски дома активно взялась Маргарет Кэмпбелл, моя подруга еще со времен колледжа. Когда перед отъездом я позвонила ей из Каира и рассказала, что не только насовсем переезжаю в Лондон, но еще вышла замуж и жду ребенка, она невозмутимо спросила:

– Больше новостей нет?

– Куда уж больше.

– Что ж, здорово, что ты приезжаешь – и поверь мне, этот городок тебе еще полюбитя.

– Ты имеешь в виду...

– Ну, конечно, нужно время, чтобы приспособиться – только и всего. Вот что, как только приедете, приходите-ка к нам на обед, и я введу тебя в курс дела. И надеюсь, что налички у тебя достаточно. Потому что, по сравнению со здешними ценами, в Цюрихе – дешевизна!

Маргарет с семьей обитала в Южном Кенсингтоне, где они занимали трехэтажный дом. Сказать, что у нее было приличное жилье, значит не сказать ничего. Я позвонила ей наутро после нашего приезда в Лондон – и, верная своему слову, она в тот же день пригласила меня на обед. С нашей последней встречи она немного отяжелела, превратилась в солидную даму из тех, что носят элегантные костюмы-двойки

и щеголяют в дорогих шарфах фирмы «Гермес». Маргарет отказалась от руководящей должности в «Ситибанке» ради роли матери, а потом переехала в Лондон, куда на два года перевели ее мужа, юриста. Но невзирая на это, она не превратилась в домохозяйку, оставшись все той же острой на язык и верной подругой, какой была и во времена учебы в колледже.

– Чувствую, нам такое вряд ли по карману, – протянула я, осматривая ее жилище.

– Да уж, если бы компания мужа не оплачивала нам ренту – шестьдесят кусков...

– Шестьдесят тысяч *фунтов*? – переспросила я, не веря своим ушам.

– Ну что ж, это ведь Южный Кен. Черт, да в этом городе однокомнатную квартирку в скромном районе не снять дешевле, чем за тысячу в месяц. Безумие. Но такие уж здесь цены на съемное жилье. Так что вам, ребята, надо постараться поскорее что-то купить.

Мне предстояло приступить к работе в «Пост» лишь через месяц, а оба ребенка Маргарет с утра до вечера были в школе, так что Маргарет объявила, что будет помогать мне подыскивать дом. Тони был этому только рад. Он весьма одобрительно отнесся к идее обзавестись в Лондоне недвижимостью. К тому же, коллеги из «Кроникл» одобряли это решение, приговаривая, что не так страшен черт, как его малюют. Однако, как я вскоре обнаружила, цены даже на са-

мые неприязнательные домишки были просто заоблачными. У Тони на счету лежали сто тысяч фунтов – его доля от продажи родительского дома в Эмершеме. Я, откладывая понемногу, скопила за десять лет сумму, равную двадцати тысячам фунтов. Исходя из этого, Маргарет, с энтузиазмом взявшая на себя роль консультанта по недвижимости, повисла на телефоне и вскоре объявила, что наша судьба – район, называемый Патни. Мы катили на юг на ее «БМВ», и она нахваливала свой выбор:

– Там отличный жилищный фонд, комфортабельно, красиво, все под рукой, река рядом, прямая ветка метро до Тауэрского моста... Тони будет удобно добираться до работы. В Патни есть и такие места, за которые просят полтора, а иначе и разговаривать не станут...

– Полтора *миллиона*? – уточнила я.

– Не такая уж необычная цена для этого города.

– Ну ясно, в Кенсингтоне или Челси. Но *Патни*? Это же почти пригород?

– Ближний пригород. Почти в черте города. Да брось ты, отсюда до Гайд-парка всего миль шесть или семь... считай рядышком. И вообще, полтора миллиона запрашивают за здоровенный дом в Западном Патни. А я тебя везу на юг по Лоуэр-Ричмонд-роуд. Милые уютные улочки, спускаются к самой Темзе. Может, сам дом маловат немного – только две спальни, – но можно надстроить мансарду.

– С каких пор ты заделалась риелтором? – перебила я,

смеясь.

– С тех самых, как поселилась в этом городишке. Знаешь, все бритты поначалу осторожны и замкнуты, но стоит затронуть тему недвижимости, откуда что берется – болтают так, что не остановишь. Особенно если коснуться лондонских цен на жилье – на сегодняшний день это здесь самая серьезная проблема.

– Долго ты притиралась к местной жизни?

– Самое ужасное в Лондоне – это что к нему, по сути, невозможно притереться. И самое прекрасное – что к нему невозможно притереться. Просто прими это к сведению, и все будет нормально. Нужно время, чтобы осознать еще одну важную штуку – даже я, живя здесь, не сразу это поняла – лучше бы, чтобы от тебя исходил чуть заметный англофобский душок.

– А это-то с какой стати?

– Дело в том, что британцы крайне подозрительны к любому, кто, как им кажется, им симпатизирует.

Уж не знаю почему, сама Маргарет не строила из себя англофобку, разговаривая с приторно-вежливым агентом по недвижимости, который показывал нам дом на Сефтон-стрит. Всякий раз, как он пытался утаить какой-то дефект – вытертое покрытие на полу с безвкусным узором, тесный туалет, облицовку из гипсокартона, явно призванную скрыть осыпавшуюся штукатурку, – она обрывала его громким «Да бросьте, вы, наверное, шутите?», нарочно строя из

себя шумную напористую американку. Если она пыталась вселить в него неуверенность, ей это удалось.

– И вот за *это* вы просите четыреста сорок тысяч, вы это серьезно?

Агент – в розовой рубашке с длинным воротником, черном костюме и при галстукe – выдавил бледную улыбку:

– Ну, Патни пользуется спросом.

– Да, но – боже! – жалкие две спальни! И посмотрите, в каком все ужасном состоянии.

– Признаю, отделка немного поблекла.

– *Поблекла!* Скажите лучше – безнадежно устарела. Архаика! Здесь, наверное, кто-то умер, я права?

У агента был смущенный вид.

– Дом продает внук бывших владельцев.

– А что я говорила? – Маргарет обернулась ко мне. – Здесь с шестидесятых ни разу не было ремонта. И уверена, его пытаются сбить вот уже... сколько времени?

Агент отводил глаза.

– Ну же, признавайтесь!

– Всего *несколько* недель. К тому же, я уверен, продавец согласится на ваше предложение.

– Еще бы, – хмыкнула Маргарет, потом, обращаясь ко мне, шепнула: – Ну что?

– За такую цену слишком много работы, – прошептала я в ответ. Потом спросила агента: – А нет ли у вас на примете чего-нибудь подобного, но в немного лучшем состоянии?

– В настоящий момент нет. Но буду иметь вас в виду.

Эту фразу я слышала не меньше сотни раз на протяжении следующих десяти дней. Подбор жилья оставался для меня совершенно непонятной игрой. Зато Маргарет чувствовала себя как рыба в воде. Каждое утро, отправив детей в школу, она заезжала за мной, и мы отправлялись на поиски. У нее было чутье на перспективные районы, она мгновенно улавливала, когда нас пытались надуть. За первую неделю мы осмотрели не меньше двадцати вариантов – Маргарет была настоящим бичом для агентов, которые встречались на нашем пути. «Эти несносные американки» – так мы называли себя: неизменно вежливые, мы задавали слишком много вопросов, говорили вслух о любом замеченном недочете, всегда оспаривали запрошенную цену и (если говорить о Маргарет) гораздо лучше ориентировались в запутанной ситуации на рынке лондонской недвижимости, чем можно было ожидать от янки. Необходимо было на чем-то остановиться до того, как я выйду на работу, – это заставляло нас спешить. Так что я включила свои профессиональные журналистские навыки – постаралась в максимально сжатые сроки приобрести обширные (хотя и абсолютно поверхностные) познания в этой области. Во второй половине дня Маргарет возвращалась домой, к детям, а я спускалась в метро, стараясь получше изучить местность. Меня интересовало расположение больниц, школ, парков и прочие «мамкины заботы» (так пренебрежительно называла их Маргарет), которые необхо-

димо было принимать в расчет.

– Не скажу, что это приятное времяпрепровождение, – пожаловалась я Сэнди по телефону через пару дней «охоты за домами». – Тем более что город до ужаса громадный. Пони-маешь, здесь нельзя просто сесть и спокойно доехать из од-ного места в другое. Каждая вылазка для меня – настоящая экспедиция, а я не прихватила пробковый шлем.

– Это будет выгодно отличать тебя от всех остальных.

– Вряд ли. В таком плавильном котле выделиться невоз-можно, никто ни на кого не обращает внимания. Это тебе не Бостон...

– Ой, вы только послушайте эту новоиспеченную горо-жанку. Конечно же Бостон приветливее.

– Конечно. Потому что он маленький. А Лондону незачем кого-то привечать...

– Потому что он такой здоровенный?

– Ага, и еще потому, что это Лондон.

Это было наиболее таинственной для меня чертой Лондо-на – его равнодушие. Может быть, отчасти дело в темпера-менте его коренного населения. Может быть, действительно в том, что город так велик, неоднороден, противоречив. Как бы то ни было, в первые недели в Лондоне я все ловила се-бя на мысли: как же этот город похож на толстый викториан-ский роман, где автор постоянно сталкивает представителей высших и низших слоев и где сюжет так прихотливо закру-чен, что никак не удастся уследить за всеми его хитроспле-

тениями.

– Довольно верный взгляд, – сказала Маргарет, когда я познакомила ее со своей теорией. – Здесь нет главных действующих лиц, потому что Лондон перемалывает самые раздутые самомнения. Показывает каждому, кто чего реально стоит. Тем более что англичане вообще не одобряют чванства.

Еще одно любопытное противоречие лондонской жизни – то, как легко подчас принять английскую скромность за высокомерие. Всякий раз, раскрывая газету – и натываясь на едкий материал об очередной знаменитости местного разлива, впутанной в очередной кокаиновый скандал, – я убеждалась: здесь не жалуют тех, кто слишком возомнил о себе. Но в то же время большинство агентов, с которыми мне пришлось встретиться, отличала напыщенность, странно не соответствовавшая их скромному положению. Особенно они раздувались, когда речь шла о непомерно высоких ценах, назначенных за жалкие лачуги.

– Цена назначена оценщиком, мадам, – обычно цедили они сквозь зубы и делали особое ударение на слове «мадам», демонстрируя неподражаемое снисходительное почтение.

– *Снисходительное почтение*, – громко повторила Маргарет, когда мы с ней ехали к югу. – Мне нравится – хоть это и оксюморон. Но и впрямь, поселившись в Лондоне, я постоянно поражаюсь этому умению англичан выразить одной невинной фразой две противоположные эмоции. У них ис-

тинный талант – говорить одно, подразумевая совсем...

Она не закончила, потому что в это время нас чуть не задел, обгоняя, невесть откуда взявшийся белый фургон. Фургон с визгом затормозил. Водитель – парень лет двадцати с небольшим, коротко стриженный, с плохими зубами – выскочил и со злобным видом направился к нам. Настроен он был явно агрессивно.

– Вы чё, ваще охренели, что ли? – заорал он.

Маргарет, казалось, нисколько не обескуражил его хамский тон.

– Не надо говорить со мной в таком тоне, – отвечала она холодно и совершенно спокойно.

– Говорю, как хочу, ты, сука!

– Засранец, – крикнула она, дав задний ход, а потом свернула в поток машин, и мы отправились дальше, оставив парня махать руками на обочине.

– Мило, – прокомментировала я.

– Образец низкоорганизованного животного, известного как мужик белофургонный. Обычный вид для Лондона – и всегда рвется в бой. Особенно когда ты сидишь за рулем приличной машины.

– Твое хладнокровие меня впечатлило.

– Посоветую тебе еще кое-что полезное для жизни здесь. Не приноравливайся и ни в коем случае не пытайся *поладить*.

– Учту, – кивнула я и добавила: – Но к слову, об англича-

нах: что-то мне не показалось, будто этот гаденыш говорил одно, а подразумевал другое.

Мы переехали мост Патни и свернули на Лоуэр-Ричмонд-роуд, направляясь к Сефтон-стрит – тому месту, с которого мы начинали свой марафон. Агент, который показывал нам тот дом, позвонил и сообщил, что у него только что появилось новое предложение и оно может меня заинтересовать.

– Правда, дом не в очень хорошем состоянии в смысле отделки, – признался он по телефону.

– Вы хотите сказать, она *поблекла*?

Он откашлялся.

– Несколько поблекла, да. Но конструктивно дом был существенно модернизирован. И хотя первая цена четыреста тридцать пять, я уверен, что торг уместен.

Что и говорить, насчет внутренней отделки агент сказал правду. И безусловно, дом явно походил на дачный: две небольшие жилые комнатки на первом этаже. Но сзади была пристроена просторная кухня, и хотя все шкафы и оборудование устарели, было ясно: установка готовой кухни из магазина типа ИКЕА обойдется не так уж дорого. Обои в двух спальнях на втором этаже были скучными, как в похоронном бюро, от розового покрытия на полу у меня свело скулы. Но агент уверил, что под ним скрыты приличные деревянные полы (что позднее подтвердил и оценщик), а плиты ДСП в прихожей нетрудно отодрать, чтобы все заново ошту-

катуричь. Ванна, раковина и унитаз были отвратительного оранжево-розового цвета. Зато трубы центрального отопления и электропроводка были совершенно новыми. К тому же имелась просторная комната на чердаке, будто специально предусмотренная для того, чтобы устроить там кабинет. Я представила, каким воздушным и светлым станет дом, когда жуткая отделка будет ликвидирована. В первый раз за все годы бродячей жизни меня посетила удивительная мысль: а ведь это вполне может стать *домом*.

Мы с Маргарет не произнесли ни слова, пока обходили дом. Выйдя на улицу, она сразу повернулась ко мне:

– Ну?

– Выглядит неважно, – признала я. – Но из него можно сделать что-то приличное.

– Мне тоже так показалось. Сколько там они просят – четыреста тридцать пять?

– Я предлагаю триста восемьдесят пять, если Тони даст добро.

В тот же вечер я полчаса разливалась соловьем, описывая Сэнди, что можно будет сделать из этого коттеджа и в каком симпатичном месте мы будем жить, совсем рядом с Темзой.

– Вот те на! – воскликнула Сэнди. – Похоже, этот дом тебя приручил.

– Очень смешно. Просто после всего кошмара, который я повидала, пока искала, это такое облегчение – найти хоть что-то, отдаленно похожее на жилье.

- Особенно когда осуществишь все свои глобальные планы в духе Марты Стюарт¹⁰.
- А тебя это радует, признайся.
- Еще как радует. Я никогда не думала, что ты будешь мне взахлеб рассказывать такие вещи, как будто читаешь вслух журнал «Мир интерьера».
- Не поверишь, я сама себе поражаюсь. А еще я и подумывать не могла, что буду изучать доктора Спока, словно Священное Писание.
- Ты уже дошла до главы, где он пишет, что надо бежать из дому во время колик?
- Да, здорово...
- Подожди-подожди, что ты скажешь после первой бессонной ночи...
- Ладно, давай, пожалуй, прощаться.
- Поздравляю с домом.
- Он пока не наш. И Тони его еще не видел.
- Ты его уговоришь.
- Вот это точно. Потому что скоро мне выходить на работу – и тогда уж не будет времени бегать по другим адресам.
- Но Тони был так занят в редакции, что выбрался на Сефтон-стрит лишь через пять дней. Было позднее субботнее утро, и мы поехали в Патни на метро, перешли мост, свернули на Лоуэр-Ричмонд-роуд. Вместо того чтобы идти напра-

¹⁰ Марта Стюарт – «королева американских домохозяек», автор и ведущая телешоу, обучавшего ведению домашнего хозяйства.

мик, я повела его к пешеходной дорожке, змеившейся по берегу Темзы. Тони раньше не бывал в этих местах, и я видела – ему сразу понравилось, что почти до самого дома можно идти вдоль реки. Потом я продемонстрировала ему красоты парка Патни Коммон, расположенного прямо позади нашей будущей улицы. Тони понравилось даже, как оформлены витрины уважаемых магазинов и баров на Лоуэр-Ричмонд-роуд. Но когда мы свернули на Сефтон-стрит, я заметила, как он рассматривает многочисленные припаркованные джипы и «лендроверы». Машины свидетельствовали, что район облюбован молодыми специалистами... из тех, кто считает подобные коттеджи хорошим стартом для семьи, чтобы (просветила меня Маргарет) перебраться в более просторное жилище ко времени рождения второго ребенка и получения более высокооплачиваемой работы.

Пока мы шли к дому, навстречу нам тянулась бесконечная процессия детских колясок всех сортов и многоместных автомобилей с детскими сиденьями. Мы обменивались недоуменными взглядами, словно желая сказать: «И как это нас угораздило?..»

– М-да, добро пожаловать на улицу Подгузников, – наконец проговорил Тони с язвительным смешком. – Молодые семьи... Мы на их фоне будем выглядеть глубокими старцами.

– Говори за себя. – Я пихнула его в бок.

Когда мы дошли до дома, встретились с агентом и начали

осматривать комнату за комнатой, я не спускала глаз с Тони, стараясь понять, нравится ему или нет.

— Точь-в-точь, как дом, в котором я рос, — заявил он наконец и добавил: — Но я убежден, что мы сумеем привести его в порядок.

Я пустилась в долгие рассуждения, описывая, как тут все будет, когда мы выкинем весь этот старомодный хлам.

Тони заинтересовало упоминание о комнате под крышей. Особенно, когда я сказала, что в Штатах у меня есть ценные бумаги и от их продажи можно выручить около семи тысяч фунтов. Этой суммы вполне хватит на устройство отличного кабинета в мансарде, и он сможет наконец приступить к книге — Тони надеялся, что это позволит ему бросить отнимавшую столько сил службу в газете.

Во всяком случае, мне показалось, что в первые две недели в Лондоне Тони думал как раз об этом. Вероятно, это было следствием перехода к офисной работе после чуть ли не двадцати лет разъездов. Может быть, он сделал неприятное открытие, что редакционная жизнь в Уоппинге напоминает не то бескрайнее минное поле, не то запутанный лабиринт взаимоотношений. А возможно, Тони неприятно было признаваться себе, что заведующий внешнеполитическим отделом, в общем-то, должность не творческая, а чисто административная и бюрократическая. Словом, не знаю почему, но я чувствовала, что Тони никак не удастся привыкнуть к новой кабинетной работе. Если я заговаривала на эту тему, он

неизменно отвечал, что все отлично... что он просто пытается освоиться в совершенно новой ситуации, вот голова и идет кругом. Или делал какое-нибудь легкомысленное замечание насчет того, что процесс одомашнивания требует времени. К примеру, как-то мы сидели в баре, восстанавливая силы после очередной поездки в наш будущий дом, и Тони сказал:

– Слушай, а вдруг это окажется совсем уж неподъемным? Вдруг мы не потянем ежемесячные выплаты? Не подыхать же в кабале, давай тогда расторгнем договор, продадим все к чертовой бабушке и найдем себе работу в каком-нибудь дешевом и веселом местечке типа «Известий Катманду».

– Ясное дело, так и поступим, – отвечала я со смехом.

В тот вечер я наконец собиралась познакомить мужа с единственной своей лондонской подругой – Маргарет пригласила нас на ужин. Вечер начался хорошо: болтали о предстоящем ремонте в нашем новом доме и о том, как мы обживаемся в Лондоне. Поначалу Тони держался замечательно, с присущим ему обаянием, хотя меня слегка удивило, как он с небрежным видом поглощает внушительные дозы спиртного. Прежде я за ним такого не замечала. Но это странное ухарство меня не беспокоило. Алкоголь явно не мешал Тони поддерживать беседу. Он блистал остроумием, особенно когда речь заходила о его приключениях в отвратительных и опасных притонах третьего мира. А его забавные, ироничные рассуждения об англичанах привели всех в восторг.

В общем, Тони сразу же очаровал Маргарет. Все шло прекрасно, пока разговор не коснулся политики, и – *хлоп!* – он вдруг разразился антиамериканской тирадой, так что Александр, муж Маргарет, ошетинился и начал обиженно возражать. Словом, под конец атмосфера была довольно напряженной. На обратном пути, в такси, Тони произнес:

– Ну что же, кажется, все прошло *просто великолепно*, как по-твоему?

– Ты можешь объяснить, что за муха тебя укусила? – спросила я.

Молчание. В ответ он только вяло пожал плечами. Минут двадцать мы ехали в полной тишине. Все так же молча улеглись спать. А наутро Тони подал мне завтрак в постель и поцеловал в голову.

– Набросал вот письмецо Маргарет с благодарностью за прием, – сообщил он. – Оставил на столе в кухне.... Отправь его сама, если сочтешь нужным.... Ладно?

И он ушел на работу.

Почерк Тони был, как всегда неразборчив, но мне все же удалось расшифровать его иероглифы:

Дорогая Маргарет!

Очень рад знакомству. Превосходное угощение. Превосходная беседа. Аа, передайте супругу, что перепалка на почве политики доставила мне истинное наслаждение. Надеюсь, никто не отнесся к ней слишком серьезно. У меня есть

*алиби: in vino stupidus*¹¹. Но без оживленных дискуссий – что это была бы за жизнь!

Надеюсь на ответный визит.

Ваш...

Естественно, я отправила открытку. Естественно, Маргарет позвонила мне на следующее утро, как только ее получила, и сказала:

– Можно начистоту?

– Давай...

– Что ж, мне кажется, его письмо придает новый смысл понятию «обаятельный мерзавец». Но похоже, я поздновато суюсь со своим мнением.

Эти слова меня не обескуражили. Маргарет лишь произнесла вслух то, что сама я поняла уже давно: у Тони есть и другая сторона – с ним бывает трудно в общении. Обычно все шло хорошо, но вдруг что-то прорывалось, вылезало наружу, чтобы снова пропасть – до следующего срыва. Это могла быть просто язвительная, недобрая реплика по поводу коллеги по редакции или долгое тяжелое молчание, в которое он погружался, если я слишком увлекалась обсуждением нового дома. Мрачно помолчав несколько минут, он снова вел себя как ни в чем не бывало.

– Да ладно, со всеми бывает, – сказала Сэнди, когда я рас-

¹¹ In vino stupidus (лат.) – в вине – тупость (перефразированное изречение «in vino veritas» – истина в вине).

сказала ей, что муж подвержен приступам дурного настроения. – А если вспомнить, какие резкие перемены произошли в вашей жизни, ребятки...

– Ты права, все верно, – отвечала я.

– В смысле – тебе же не кажется, что у него маниакально-депрессивный психоз?

– Да нет, вряд ли.

– И вы не собачитесь каждую минуту?

– Мы вообще редко ссоримся.

– И он не спит в гробу и клыков у него нет?

– Нет, хотя на всякий случай я держу под подушкой головку чеснока.

– Верный подход к женитьбе. Но знаешь, отсюда, из моего угла, кажется, что все совсем не так уж плохо для первых месяцев в браке. Обычно в это время как раз начинаешь думать, что совершила самую ужасную ошибку в жизни.

Таких мыслей у меня не было. Просто хотелось, чтобы Тони чуть более ясно выражал свои истинные чувства.

Но вскоре все так завертелось, что мне стало не до размышлений о нашей супружеской жизни. Через два дня после ужина у Маргарет мы получили известие от агента о том, что продавца устраивают наши условия. Мы сразу же внесли задаток, а потом я занималась организацией экспертизы дома, оформляла ипотечный кредит, подыскивала фирму, которая бы сделала ремонт и перестроила мансарду, выбирала ткани и краски, провела массу времени в ИКЕА и магазинах «До-

машинный уют», а еще постоянно пререкалась с водопроводчиками и малярами. Однако хлопоты, связанные с устройством уютного гнезда, не давали забыть, что я несу еще радостное бремя, которое теперь, когда приступы утренней тошноты остались в прошлом, приносило куда меньше неудобств, чем я опасалась.

И снова Маргарет оказалась на высоте, терпеливо отвечая на все мои вопросы о беременности, которыми я ее забрасывала. Она же снабдила меня исчерпывающей информацией о том, как подобрать хорошую няню, когда закончится отпуск по уходу за ребенком и пора будет отправляться на работу. А еще она объясняла мне, как работает британская система здравоохранения и как мне встать на учет у врача в Патни. В регистратуре, после того как я заполнила несколько анкет, мне сообщили, что меня будет наблюдать терапевт Шейла Маккой.

– Вы хотите сказать, что я не могу сама себе выбирать врача? – уточнила я у женщины в регистратуре.

– Конечно, можете. Любого из наших докторов, кого пожелаете. Так что если доктор Маккой вас не устраивает...

– Я этого не говорила. Я просто не знаю, может быть, она не совсем тот врач, который мне нужен.

– А как же вы узнаете, не встретившись с ней? – спросила она.

На этот аргумент мне было нечего возразить, к тому же доктор Маккой, симпатичная, деловитая ирландка лет со-

рока, мне понравилась. Она осмотрела меня через несколько дней, задала несколько осмысленных, неглупых вопросов, затем сообщила, что меня пора «прикрепить» к акушеру-гинекологу и что, если мне не сложно добираться до Фулхэма, на ту сторону реки, она хотела бы вверить меня заботам врача по фамилии Хьюз.

– Весьма почтенный специалист, весьма уважаемый, у него кабинет на Харли-стрит¹² – а по линии государственной службы он трудится в Мэттингли, – думаю, вам там понравится, ведь это одна из самых новых и современных больниц в Лондоне.

Когда я процитировала последнюю фразу Маргарет, подруга рассмеялась:

– Таким способом она дала тебе понять, что не будет подвергать испытанию твои нервы и твою тягу к современности и не отправит тебя в какую-нибудь мрачную и зловещую больничку викторианской эпохи. В Лондоне их множество.

– С чего бы ей решить, что у меня тяга к современному?

– Потому что ты янки. Предполагается, что мы тащимся от всего нового и сверкающего. По крайней мере, здесь все так думают. Но знаешь, если речь идет о больнице, я и правда не против, чтобы все сверкало новизной.

– От чего я не восторге, так это от слов «прикрепить» акушера. Кто знает, может этот Хьюз второсортный товар?

¹² Харли-стрит – улица в Лондоне, где находятся приемные ведущих частных врачей.

– Твоя докторша ведь сказала, что у него кабинет на Харли-стрит...

– Звучит так, будто он хозяин мебелирашки в трущобах, правда?

– И не говори. А когда я слышала, что у них тут принято называть частные врачебные кабинеты хирургическими...

– Решила, что они там и оперируют?

– Что с меня возьмешь? Я же американка, новенькая, блестящая. Но если серьезно, на Харли-стрит принимают самые крутые спецы во всем городе. И все они параллельно работают по линии государственного здравоохранения – так что, возможно, тебе достался один из лучших. В любом случае, рожать лучше в государственной больнице. Врачи те же самые, уход, пожалуй, даже лучше, особенно если что-то идет не так. Только не ешь тамошнюю еду.

В самом мистере Десмонде Хьюзе не было ровно ничего нового и сверкающего. Неделю спустя я посетила его кабинет в госпитале Мэттингли. Мне сразу не понравились его прямая, как палка, спина, нос крючком, резкая, отрывистая речь. А еще показалось странным то, что к нему, как и к другим врачам-консультантам в Англии, нельзя было обращаться «доктор». (Как я потом узнала, в этой стране хирургам традиционно говорили «мистер» – потому что раньше, во времена, когда люди были не настолько грамотны в области медицины, хирургов не считали настоящими врачами. К ним относились скорее как к мясникам высокой квали-

фикации.) Кроме того, Хьюз оказался витриной британского портновского искусства: на нем был безукоризненного покроя костюм в узкую белую полоску, голубая сорочка с отложными манжетами и черный галстук в горошек. Первая консультация оказалась совсем короткой. Он направил меня на ультразвук, велел сдать кровь на анализ, пощупал живот и сообщил, что, на его взгляд, «все идет по плану».

Меня слегка удивило, что он не задал ни одного вопроса о моем самочувствии (не считая сухого «Все как будто в порядке?»). Поэтому в конце стремительной консультации я подняла этот вопрос. Вежливо, разумеется.

– А вы не хотите узнать, не тошнит ли меня по утрам? – спросила я.

– А вы страдаете от этого?

– Сейчас уже нет...

Он одарил меня удивленным взглядом:

– Так утренняя тошнота снята с повестки дня?

– Но если меня иногда мутит, это не опасно?

– Под «иногда» вы понимаете...

– Два-три раза в неделю.

– Но при этом рвоты у вас нет?

– Нет, просто... намек на тошноту.

– Что ж, в этом случае я бы сказал, что вы *периодически* ощущаете тошноту.

– И все?

Он потрепал меня по руке:

– Едва ли это угрожающий симптом. Ваш организм сейчас претерпевает серьезную перестройку. Что-нибудь еще вас беспокоит?

Я помотала головой, чувствуя, что меня снисходительно (но при этом о-очень строго) отшлепали.

– Ну вот и хорошо, – сказал он, закрывая мою карту и поднимаясь. – Жду вас через несколько недель. И... э... вы ведь работаете, не так ли?

– Совершенно верно. Я журналист.

– Чудесно. Но вы мне показались немного усталой – так что не слишком усердствуйте, хорошо?

Вечером, когда я пересказала весь разговор Тони, он улыбнулся:

– Теперь ты знаешь, каковы два главных свойства специалистов с Харли-стрит: они ненавидят вопросы и всегда смотрят на тебя свысока.

Но одно Хьюз подметил верно: я страшно устала. Дело было не только и не столько в беременности. Тут наложилось много всего: лихорадочные поиски дома, организация ремонтных и строительных работ, попытки освоиться в Лондоне. Я и не заметила, как пролетели первые недели... и вот уже подошло время выходить на работу.

Лондонская редакция «Бостон пост» оказалась комнаткой в здании агентства «Рейтерс» на Флит-стрит. У меня был напарник: парень двадцати шести лет по имени Эндрю Дежарнет Гамильтон. Подписывался он Э. Д. Гамильтон. Это был

типичный выпускник дорогой частной школы, умудрявшийся в каждом разговоре упомянуть о том, что учился в Гарварде, а заодно намекнуть, что наша газета для него не более чем трамплин для блистательного взлета (он целил, по меньшей мере, в «Нью-Йорк таймс» или «Вашингтон пост»). Хуже того, юноша был одним из тех законченных англофилов, что нарочито растягивают гласные и щеголяют в розовых рубашках с Джермин-стрит¹³. Вдобавок этот сноб с Восточного побережья то и дело презрительно прохаживался по поводу Вустера, «паршивого городишки» и моей родины, точь-в-точь, как жирная вонючка Уилсон – по поводу провинциального местечка, где родился Тони. Но учитывая, что мы с Э. Д. Гамильтоном были обречены торчать вдвоем в крохотном офисе, я решила с головой уйти в работу и не обращать на него внимания. По крайней мере, мы сумели договориться, что я буду вести социально-политическую тематику, а он берет на себя культуру, описание образа жизни англичан, а также сведения о любых знаменитостях, какими только удастся заинтересовать редактора в Бостоне. Это разделение меня вполне устраивало, так как позволяло мне не сидеть постоянно в офисе – надо было начинать долгую и сложную работу, заводить контакты в Вестминстере, одновременно исследуя хитросплетения запутанной социальной структуры Британии. Существовала еще одна проблема:

¹³ Джермин-стрит – улица в Лондоне, славится магазинами мужской одежды, в частности рубашек, в консервативном стиле.

языковая. Как ни странно, оказалось, что американцы и англичане часто употребляют одно слово в разных значениях, а значит, небрежно выбранное слово может привести к недопониманию.

Тем более что в Англии дело обстоит еще сложнее. Как не раз с удовольствием отмечал Тони, чтобы без искажений понять любой разговор, любой обмен репликами, здесь еще необходимо учитывать, к какой общественной группе принадлежат говорящие, ведь в разных слоях общества словопотребление тоже сильно различается.

Я даже написала коротенький, довольно забавный материал для газеты, озаглавленный «Когда салфетка *точно* не гигиеническая», в которой рассказывала, какими многозначными могут быть слова здесь, на островах. Когда заметку прочел Э. Д. Гамильтон, он устроил дикий скандал, обвиняя меня в захвате его территории.

– За культуру в редакции отвечаю я, – прошипел он.

– Верно, но мой очерк о нюансах классовых отличий, это политическая тематика. А я *отвечаю* за политику в этой редакции.

– Впредь, прежде чем подавать подобные материалы, показывай их мне.

– С какой стати? Я, между прочим, работаю в этой газете дольше твоего.

– Зато я уже два года работаю в этом отделении, а значит, здесь, в Лондоне, у меня положение выше.

– Извини, но я не спорю с маленькими мальчиками.

После этой перебранки мы с Э. Д. Гамильтоном изо всех сил старались избегать друг друга. Это оказалось не так сложно, как я боялась, потому что мы с Тони освободили наконец служебную квартиру в Уоппинге и перебрались на Сефтон-стрит. Я решила большую часть материалов писать дома, воспользовавшись большим сроком беременности как благовидным предлогом. Не могу сказать, что наш новый дом был идеальным местом для работы: ремонт еще не закончили, продолжалась внутренняя отделка. Напольные покрытия стояли свернутыми в рулоны, полы были отциклеваны, но их еще предстояло лакировать. В гостиной штукатурили стены. На кухне уже установили новые шкафы и бытовую технику, зато вместо пола там был голый бетон. В гостиной был сущий кошмар. Завершение работы в мансарде затягивалось на неопределенный срок, потому что мастер срочно выехал в Белфаст к умирающей матери. Хорошо хоть отделочники восприняли детскую комнату как объект номер один, так что к концу второй недели нашей жизни в Патни уже заканчивали в ней работу. И спасибо Маргарет и Сэнди, которые помогли мне выбрать колыбель и переносную сумку-коляску, не говоря о прочих детских принадлежностях. Так что в комнате уже стояла розовая в полоску колыбель (или «люлька», как ее называли здесь), в тон розовым обоям со звездочками, наготове были и пеленальный столик, и даже манеж. Меньше повезло комнате для гостей, доверху застав-

ленной коробками. В нашей ванной и туалете недоставало сущих мелочей – на стенах не было кафеля, на полу плитки. Малярные работы в спальне закончились, но рабочие тянули с установкой шкафов, следовательно, одежда была развешана по всем стенам.

Одним словом, не дом, а просто иллюстрация нерасторопности рабочих, хаос и неразбериха. Возможно, именно из-за этого я тогда не слишком часто видела Тони. Начать с того, что он был страшно загружен на работе – почти никогда не успевал подписать полосы в печать до восьми вечера. А еще ему приходилось то оставаться на посиделки с новым коллективом ради налаживания отношений, то допоздна сидеть у телефона, дожидаясь звонков от корреспондентов из разных точек земного шара. Я, разумеется, все понимала и сочувствовала ему, и все же мне было немного не по себе от того, что он предоставил мне самой разбираться со строителями и отделочниками.

– Ведь вы, американцы, намного лучше умеете давить и добиваться своего, – говорил он.

Это замечание совсем не показалось мне забавным. Но я решила не обращать внимания, бросила только:

– Надо бы собраться как-нибудь с твоими друзьями.

– Надеюсь, ты не предлагаешь пригласить их сюда? – Тони обвел выразительным взглядом кавардак на неоконченной кухне.

– Знаешь, родной, я, может, и дурочка, но не до такой же

степени.

– Я так не думаю, – беспечно ответил он.

– Вот и я не думала звать гостей в эту зону бедствия. Просто было бы неплохо повидать людей, с которыми ты меня тогда знакомил – ну, помнишь, когда мы приезжали из Каира.

Тони пожал плечами:

– Можно, если ты так хочешь.

– Твой энтузиазм впечатляет.

– Ну, послушай, если тебе хочется им позвонить, так позвони, какие могут быть вопросы.

– Но лучше, если приглашение будет исходить от тебя.

– *Какое* приглашение?

– Куда-нибудь вместе сходить. Я хочу сказать, мы ведь живем в потрясающем городе, культурной столице, так?

Лучшие театры мира. Превосходная классическая музыка. Знаменитые музеи. А мы с тобой повязаны по рукам и ногам работой и чертовым ремонтом и даже ни разу никуда не выбрались...

– Ты что, правда хочешь в театр? – Его вопрос прозвучал так, будто я только что призналась в принадлежности к какой-то одиозной религиозной секте.

– Правда хочу.

– Не мое, признаться, не мое.

– Но, может, Кейт и Роджер думают иначе? – спросила я, имея в виду пару, приглашавшую нас на ужин в первый

приезд в Лондон.

– Спроси их сама. – В голосе Тони мне послышался легкий оттенок раздражения. Этот оттенок я уже не раз замечала в случаях, когда я... ну да, наверное, когда я его *раздражала*.

Все-таки на другой день я позвонила Кейт Медфорд. Услышав автоответчик, я оставила сообщение, рассказав, что мы с Тони обживаемся в Лондоне, что я регулярно слушаю программу Кейт на радио и стала ее горячей поклонницей и что мы оба были бы рады повидаться. Прошло четыре дня, прежде чем она перезвонила. Но говорила она со мной очень приветливо – хотя и чувствовалось, что она не настроена на долгий разговор.

– Очень приятно было получить от тебя сообщение, – сказала Кейт сквозь помехи на линии, позволявшие понять, что она звонит с мобильного. – Я уже знаю, что ты перебралась сюда вместе с Тони.

– Так, может, вы слышали и о том, что мы ждем прибавления месяца через три?

– Да, сорока и это на хвосте принесла. Поздравляю, я так рада за вас обоих.

– Спасибо.

– Надеюсь, рано или поздно у Тони и в Уоппинге все утрясется.

Услыхав это, я осеклась:

– Вы разговаривали с Тони?

– Мы вместе обедали на прошлой неделе. Он разве тебе не рассказывал?

– Я что-то стала такая рассеянная, – солгала я. – Работа, беременность, дом, просто голова идет кругом...

– Да-да, дом. В Патни, я слышала.

– Точно.

– Тони Хоббс в Патни. Кто бы мог подумать.

– Как Роджер? – спросила я, чтобы сменить тему.

– Безумно занят, как обычно. А как ты? Привыкаешь?

– Осваиваюсь понемногу. Знаешь... в наш дом пока и собаку страшно привести, не то что пригласить друзей... – Она засмеялась. Я продолжала: – Может, проведем вечер вместе, сходим куда-нибудь, в театр, например?

– Театр? – повторила она, словно это слово было ей незнакомо. – Не помню, когда и была там последний раз.

– Это только вариант, – сказала я, ненавидя себя за собственный смущенный тон.

– Вариант замечательный. Просто мы оба сейчас так замотаны. Но повидаться было бы здорово. Может, выберемся и пообедаем все вместе как-нибудь в воскресенье.

– Я только «за».

– Ну и отлично. Я обсужу все с Роджером, а потом тебе перезвоню. А сейчас я убегаю. Очень рада, что ты обживаешься. Пока.

На этом разговор был окончен.

Когда Тони наконец пришел домой в тот вечер – ближе к

одиннадцати часам, — я заметила:

— Не знала, что ты встречался с Кейт Медфорд на прошлой неделе.

Плеснув себе водки, он ответил:

— Да, я обедал с Кейт Медфорд на той неделе.

— Что ж ты мне ничего не сказал?

— Я должен сообщать тебе о подобных вещах? — тихо спросил он.

— Ну просто... ты ведь знал, что я собираюсь ей звонить, предложить встретиться?

— И что?

— Но когда я заговорила об этом несколько дней назад, все выглядело так, будто ты с ней даже не разговаривал за то время, что мы в Лондоне.

— Разве? — Тон по-прежнему был спокойным. После крошечной паузы Тони улыбнулся и спросил: — Так что сказала Кейт по поводу театра?

— Предложила пообедать в воскресенье. — Я говорила ровным голосом, удерживая на лице улыбку.

— Правда? Как мило.

Через несколько дней я попала-таки в театр... с Маргарет. Мы пошли в Национальный театр на «Росмерсхольм» Ибсена. Хорошая режиссура, отличные актеры... *жу-утко* *длинный* спектакль. А в тот день ко мне в восемь утра явились маляры, потом я в одиночку сражалась с антресолями, укладывая туда вещи, и вечером еле поспела в театр, когда

уже поднимали занавес. Постановка получила немало лестных отзывов, поэтому я ее и выбрала. Но уже минут через двадцать начала понимать, что втравила себя и Маргарет в мрачную трехчасовую скандинавскую тягомотину. В антракте Маргарет сказала мне:

– Да, вещь просто убойная.

А к середине второго действия я благополучно уснула – и очнулась от шквала аплодисментов, когда актеры уже выходили на поклон.

– А чем там кончилось? – поинтересовалась я, когда мы вышли на улицу.

– Муж и жена прыгнули с моста – покончили с собой.

– *Да ты что!* – невольно ужаснулась я. – А из-за чего?

– Ну, знаешь – зима в Норвегии, заняться больше нечем...

– Слава богу, что я не вытащила Тони. Он завтра же подал бы на развод.

– Муж у тебя небольшой любитель Ибсена?

– Не хочет иметь ничего общего с культурой. По-моему, это типично журналистская узколобость. Знаешь, я предложила его друзьям, супружеской паре, пойти в театр...

И я пересказала ей свои разговоры с Тони и с Кейт Медфорд.

– Вот увидишь, в ближайшие четыре месяца она не объявится, – высказалась Маргарет, когда я замолчала. – А потом выскочит, как чертик из табакерки. Позвонит, будет ворковать, расскажет, как она «безумно занята» и что мечтает

повидаться с тобой и Тони и малышом и предложит пообедать в воскресенье через полтора месяца. И ты подумаешь: *значит, вот как здесь дружат!*

И еще: *она мне звонит только потому, что так полагается?* И ответом на оба вопроса будет громкое звучное «да». Потому что здесь даже близкие друзья держатся несколько – как бы сказать помягче – сдержанно и прохладно. И не потому, что не желают с тобой общаться, – а потому, что не хотят быть навязчивыми и боятся, что ты, возможно, не особо жаждешь этого общения. И как бы ты ни старалась убедить их в обратном, с этим ничего не поделаешь. Потому что здесь так принято. Англичанам потребуется год, а то и два, прежде чем тебя примут и станут относиться как к другу. Если уж они дружат, то *дружат*, но и при этом все равно держат определенную дистанцию. В этой стране к такому приучают сызмальства.

– Никто из соседей до сих пор не зашел познакомиться.

– И не придут, здесь не принято.

– И в магазинах так грубо разговаривают.

Маргарет ухмыльнулась:

– Неужели заметила?

Да, я действительно заметила это – особенно на примере продавца в ближайшем газетном киоске. Казалось, мистер Нур – так его звали – каждый день вставал не с той ноги. Вот уже несколько недель я ежедневно покупала у него газеты, но он ни разу не удостоил меня (как и любого другого кли-

ента) улыбки. Я не раз пыталась хотя бы добиться ответа на простейшие вежливые фразы. Но он с мрачным видом игнорировал мои приветствия и упорно отказывался снять маску отъявленного мизантропа. Журналист во мне недоумевал: откуда такая неприветливость? Трудное детство в Лахоре? Отец, который зверски избивал по любому поводу? А может, он бежал из Пакистана в семидесятые, оказался в промозглом и сыром Лондоне, в обществе, для которого он лишь паки, черномазый, вечный аутсайдер, и до сих пор не может прийти в себя от шока?

Один раз я поделилась своим предположением с Каримом – владельцем соседнего магазинчика. Тот только печально улыбнулся в ответ.

– Этот тип в жизни не бывал в Пакистане, – сказал Карим. – И даже не думайте, что он вам хамит потому, что вы его чем-то обидели. Он со всеми так себя ведет, без всяких причин. Просто грубиян и поганец, вот и все тут.

В отличие от мистера Нура Карим всегда вставал с той ноги. Даже когда стоял собачий холод и дождь неделями лил как из ведра, а все интересовались друг у друга, выглянет ли когда-нибудь солнышко, Кариму удавалось оставаться приветливым. Может, отчасти все объяснялось тем, что дела у них с братом Фейзалом шли хорошо – кроме этого магазина у них в Южном Лондоне имелось еще два, и они планировали расширять свой бизнес. Я задавалась вопросом, не объясняются ли оптимизм и учтивость этого человека тем, что

ему – хотя и коренному британцу – присущи целеустремленность и чисто американское чувство уверенности в себе.

На другой день после похода на Ибсена я не пошла в магазин Карима, там мне ничего не было нужно – так что первым, с кем я столкнулась в то утро, был Чертов Мистер Нур. Он пребывал в обычном своем искрометном настроении. Подойдя к прилавку с «Кроникл» и «Индепендент» в руках, я произнесла:

– Как вы сегодня себя чувствуете, мистер Нур?

– Один фунт десять, – проронил он, не глядя на меня.

Не сводя с него глаз и не торопясь расплачиваться, я повторила свой вопрос:

– Как вы себя сегодня чувствуете, мистер Нур?

– Один фунт десять, – повторил он раздраженно.

Я продолжала улыбаться, твердо вознамерившись добиться от него вежливого ответа.

– У вас все в порядке, мистер Нур?

Он молча протянул руку за деньгами. А я снова повторила вопрос:

– У вас все в порядке, мистер Нур?

Он шумно вздохнул:

– Все нормально.

Я одарила его широкой ослепительной улыбкой:

– Рада это слышать.

Я расплатилась и кивнула на прощание. За мной стояла женщина лет сорока пяти, державшая в руке «Гардиан». У

выхода из магазинчика она меня нагнала.

– Какая вы молодец, – сказала женщина. – Без вашей помощи он бы еще долго на это не решился.

Протянув руку, она представилась:

– Джулия Франк. Вы, кажется, живете в доме двадцать семь?

– Да, – ответила я и назвала себя.

– Ну а я от вас через дорогу, в тридцать втором. Приятно познакомиться.

Я бы, конечно, остановилась и поддержала разговор, если бы не торопилась на интервью с бывшим членом ИРА¹⁴, который стал писателем-романистом, поэтому я только сказала: «Может, заглянете как-нибудь на огонек». Ответом была радостная улыбка... можно было понять ее как знак согласия, а можно – как новое свидетельство ошеломляющей закрытости и неискренности жителей этого города. Однако сам факт, что она остановилась познакомиться и перебросилась со мной парой реплик (да еще и сделала комплимент), придавал мне силы в течение всего дня.

– С тобой *в самом деле* заговорила соседка? – удивилась Сэнди, когда я позвонила ей вечером. – Удивительно, что это не попало в экстренный выпуск новостей на Си-эн-эн.

– Да, это и впрямь серьезное событие. И представь – сегодня даже солнце выглянуло.

– Господи, что же с нами будет? Только не говори, что тебе

¹⁴ ИРА – Ирландская республиканская армия.

кто-то улыбнулся на улице.

– А вот представь, так и было. На аллее у реки. Дядька, который выгуливал собаку.

– Что за собака?

– Золотистый ретривер.

– Да, у этих хозяева обычно симпатичные.

– Согласна на сто процентов. Но ты не представляешь, как там красиво у реки. И всего три минуты до моих дверей. Я понимаю, может, прозвучит глупо, но вот гуляю я там у Темзы, а в голову приходит: похоже, я наконец обрела точку опоры.

Подобными чувствами я поделилась с Тони, когда он стоял, обводя взглядом строительный мусор, среди которого мы жили.

– Не отчаивайся, – сказала я, – разруха рано или поздно закончится.

– Я не отчаиваюсь. – Но голос его звучал безнадежно.

– У нас будет не дом, а загляденье.

– Уверен, так оно и будет.

– Ну ты что, Тони. Все наладится.

– Все прекрасно, – отвечал он безжизненным голосом.

– Хотела бы я верить, что ты и в самом деле так думаешь.

– Я и правда так думаю.

С этими словами он удалился в соседнюю комнату.

Но когда на другой день я проснулась в пять утра, обнаружилось, что все вовсе не прекрасно.

Потому что мой организм вдруг повел себя как-то странно.

И в эти первые мгновения, когда еще ничего не было понятно, кроме одного — что что-то идет не так, меня вдруг охватило чувство, которого я не испытывала годами.

Страх.

Глава четвертая

Казалось, ночью меня внезапно атаковали полчища клопов. Я проснулась от мучительного зуда – вся кожа была словно воспалена, все тело горело, и, как я ни чесалась, легче не становилось.

– Никакой сыпи я не вижу, – сообщил Тони после того, как обнаружил меня голую в ванной, где я пыталась содрать с себя кожу.

– Я же не придумываю, – зло пробормотала я, решив, что он подозревает у меня психоз.

– Я и не говорил. Просто...

Я осмотрела себя в зеркале. Он был прав. На коже не было никаких повреждений, кроме царапин, которые я сама нанесла себе ногтями.

Тони наполнил ванну горячей водой и помог мне в нее забраться. В первый момент было чувство, что меня ошпарили, но, когда я чуть привыкла к обжигающей воде, стало легче. Тони сидел рядом, держа меня за руку, и рассказывал очередную свою утомительную историю – о том, как он, делая репортаж о межплеменной розни в Эритрее, подцепил вшей, так что пришлось срочно брить голову у местного цирюльника.

– Этот тип выбрал для меня самое тупое и самое грязное лезвие, какое только можно вообразить. И представляешь,

у него еще и руки дрожали. Так что я не просто полысел – видок был такой, как будто пора швы накладывать. Но даже после того, как он соскоблил все до последнего волоска, башка все равно чесалась, как у шелудивого пса. И тогда цирюльник окунул полотенце в кипяток и положил его мне на голову. Знаешь, зуд прошел немедленно – а я получил ожог первой степени.

Я пальцами перебирала его волосы, счастливая от того, что он здесь, рядом, держит меня за руку, помогает справиться с этой напастью. Когда наконец через час я выбралась из ванны, зуд прошел. Тони был со мной ласков и нежен. Он сам вытер меня полотенцем. Он обсыпал меня детской присыпкой. Он уложил меня в постель. И я быстро уснула и проснулась в полдень – от того, что зуд начался снова.

Сначала я даже решила, что все это мне снится – что это один из ярких кошмаров, вроде того, когда, например, падаешь в пропасть, хотя лежишь при этом на подушке. Еще не проснувшись окончательно, я подумала, что под кожей у меня завелись какие-то ядовитые насекомые. Только сейчас зуд был намного сильнее, чем в первый раз. Меня охватила настоящая паника. Я бегом бросилась в ванную, на ходу стаскивая пижамные штаны и майку, еще раз тщательно осмотрела себя в зеркале, обращая особое внимание на округлившийся живот, но не обнаружила ни кровавой сыпи, ни других признаков кожного воспаления. Ничего. Тогда я напустила в ванну горячей воды и улеглась в нее. Как и ночью,

обжигающая вода принесла мгновенное облегчение – кожа будто онемела, притупляя вездесущий зуд.

Но когда через час я вылезла из ванны, все повторилось. На этот раз я испугалась уже всерьез. Натерлась с ног до головы детской присыпкой. От этого стало только еще хуже. Поэтому я снова отправилась в ванную, еще раз ошпарила себя, а зуд снова набросился, как только я вылезла из воды.

Накинув банный халат, я позвонила Маргарет.

– Я, наверное, скоро себя освежую, – пожаловалась я ей и объяснила, какие бури бушуют у меня под кожей. А еще я призналась, что боюсь, не сошла ли с ума – может, все это мне только кажется?

– Если ты действительно так обчесываешься, на психосматику это не похоже, – отрезала Маргарет.

– Но на коже ничего не видно.

– Может, у тебя какая-то внутренняя сыпь.

– Такое бывает?

– Откуда ж мне знать – я же не лекарь. Но на твоем месте я бы прекратила самоистязания и поскорее шла к врачу.

Я последовала совету Маргарет и позвонила в свою поликлинику. У моего врача весь день уже был расписан, так что меня записали на прием к доктору Роджерсу, лысеющему педанту лет пятидесяти с постным выражением лица. Ледяным тоном он попросил меня раздеться. Бросил взгляд на мою кожу. Потом сказал, что я могу одеваться, и вынес свой вердикт: возможно, я страдаю от *слабовыраженной* формы

аллергии на какой-то пищевой продукт. Когда я объяснила, что за последние несколько суток не ела никакой непривычной и новой пищи, он сказал:

– Беременность, знаете ли, иногда дает странные побочные эффекты.

– Но этот зуд невыносим, он сводит меня с ума, вся кожа болит.

– Потерпите еще денек.

– Вы можете что-нибудь прописать, чтобы его снять?

– На коже ведь ничего нет... практически. Попробуйте принять ибупрофен или аспирин, если будет очень больно.

Услышав это в моем пересказе через полчаса, Маргарет пришла в ярость:

– Типичный английский шарлатан. Примите две таблетки аспирина и покрепче закусите губу.

– Моя-то врачиха намного внимательнее.

– Так звони туда снова и потребуй, чтобы она тебя приняла. А еще лучше, вызови-ка ее на дом. Они обязаны принять вызов, если настоять.

– А может, он прав. Может, это просто аллергическая реакция...

– Это еще что? За несколько месяцев в Лондоне ты уже переняла эту их идиотскую позу «улыбайся и терпи»?

В какой-то степени Маргарет была права. Ныть и жаловаться мне не хотелось, тем более я вообще не люблю болеть, не говоря уж про какие-то воображаемые сыпи. Поэтому-

му я попыталась отвлечься: сначала распаковала несколько коробок книг, потом попробовала читать последние номера «Нью-Йоркера». Я не поддавалась искушению позвонить Тони в редакцию и рассказать, как мне скверно. Кончилось тем, что я опять выпрыгнула из одежды и начала расчесывать кожу с такой силой, что скоро разодрала плечи в кровь. Попытавшись найти спасение в горячей ванне, я подвывала от боли и бессилия, пока она наполнялась водой. Обварившись в третий раз, я наконец позвонила Тони в газету и сумела выговорить:

– Знаешь, мне что-то совсем плохо.

– Я выезжаю.

Он приехал через час и обнаружил меня в ванне. Меня тряс озноб, хотя вода все еще была горячей. Тони помог мне одеться, усадил в машину, и мы поехали – через мост Уондзуорт, потом по Фуллхэм-роуд и припарковались напротив больницы Мэттингли. Мигом мы добрались до отделения «скорой помощи». Увидев, что приемная полна народу, Тони обратился к сестре, настаивая, чтобы меня приняли вне очереди как беременную.

– Боюсь, вам все-таки придется подождать, как и всем остальным.

Тони пытался протестовать, но сестра была неумолима:

– Сэр, прошу вас, садитесь. Вы не можете идти без очереди, если только...

В этот момент я и продемонстрировала «если только», по-

тому что на смену неутихающему зуду вдруг пришли сильнейшие конвульсии. В следующее мгновение я потеряла равновесие, а потом отключилась.

Когда я пришла в себя, оказалось, что я лежу на стальной больничной койке, с прозрачными трубками, торчащими из обеих рук. У меня кружилась голова, я чувствовала себя совершенно разбитой – как будто очнулась от глубокого наркотического сна. К тому же я не сразу смогла сообразить, где нахожусь. Мало-помалу картинка прояснилась – я лежала в длинной палате, окруженная еще десятком женщин, опутанных трубками, а вокруг – дыхательные аппараты, мониторы и прочая медицинская аппаратура. Мне удалось сфокусировать зрение и разглядеть циферблат висящих в дальнем конце палаты часов: 15:23... Сквозь тонкие больничные занавески просачивался сероватый свет. Три часа дня? Мы с Тони приехали в больницу накануне в восемь вечера. Получается, я пролежала в отключке... сколько?... *семнадцать часов?*

Собрав все силы, я сумела дотянуться до кнопки вызова возле кровати. При этом я непроизвольно моргнула от напряжения, и тут же страшная боль волной заполнила мне череп. Еще я обнаружила, что нос наглухо залеплен пластырем. Вокруг глаз все болело и опухло – чувство было такое, будто все лицо в синяках. Я сильнее надавила на кнопку. Наконец появилась сестра, миниатюрная мулатка. Когда я сощурилась, чтобы разобрать имя на ее бирке – Хоу, – лицо снова

вспыхнуло болью.

– Ну наконец вы пришли в себя, – ласково улыбнулась сестра.

– Что со мной случилось?

Сестра взяла карту, лежащую на кровати у меня в ногах, почитала записи.

– Вы упали в обморок прямо в приемном покое. Вам еще повезло, что не сломали нос. И зубы все на месте.

– А что с ребенком?

Долгая тревожная пауза, сестра Хоу опять погрузилась в записи.

– Не волнуйтесь. С малышом все в порядке. А вот *с вами*... здесь есть причины для беспокойства.

– В каком смысле?

– Мистер Хьюз, консультант, вам все скажет во время вечернего обхода.

– Я потеряю ребенка?

Она снова полистала карту, потом сказала:

– У вас повышенное артериальное давление. Нельзя исключить преэклампсию, но точно мы все узнаем только после того, как сделаем анализ крови и мочи.

– Это может представлять угрозу беременности?

– Может... но я уверена, мы сумеем привести вас в порядок. И многое будет зависеть от вас. Так что постарайтесь настроиться на очень тихую и спокойную жизнь в ближайшие несколько недель.

Прелестно. Как раз то, что я хотела услышать. Меня вдруг охватила дикая усталость. Может, дело было в лекарствах, которыми меня напичкали. Может, это была реакция на семнадцать часов без сознания. А возможно, сочетание того и другого, плюс повышенное давление, которое у меня обнаружили. Как бы то ни было, я почувствовала полное бессилие. Как будто из меня выкачали всю энергию, все жизненные силы. Слабость была такая, что я не могла даже сесть в постели. А это мне было необходимо, потому что я вдруг страшно захотела писать. Но прежде чем я успела об этом сказать – прежде чем успела попросить, чтобы дали судно или помогли добраться до ближайшего туалета, – простыни ниже поясицы уже стали теплыми и мокрыми.

– О, черт, как же это, – громко, с отчаянием произнесла я.

– Все в порядке, – отреагировала сестра Хоу. Вынув миниатюрную рацию, она вызвала подмогу. Через миг у койки уже стояли два рослых парня-санитара – англичанин с бритой головой и серьгой в ухе и худой, изящный сикх.

– Мне так стыдно, извините, пожалуйста, – выдавила я, когда санитары помогали мне сесть.

– Не волнуйся из-за пустяков, дорогуша, – отозвался бритоголовый. – Ничего тут такого, совершенно естественная вещь.

– Со мной такого никогда не было, – бормотала я, пока они поднимали меня с мокрого ложа и пересаживали в кресло-каталку. Больничная рубашка облепила меня.

– Правда, первый раз? – переспросил бритоголовый. – Ну, тебе просто здорово повезло. Вон, взгляни на моего дружка. Он постоянно пишет в штаны, представляешь?

– Не слушайте моего коллегу, – отреагировал сикх. – Вечно болтает всякую ерунду.

– *Коллегу!* – возмутился бритоголовый. – Я-то считал, что мы друзья.

– И потому обвинил меня в том, что я писаю в штаны? – парировал сикх, толкая мое кресло вперед. Бритоголовый шел рядом, и они продолжали перекидываться репликами.

– У вас, сикхов, с этим проблема – никакого чувства юмора.

– Да я только и делаю, что смеюсь – если слышу что-то смешное. Но только не над глупыми шутками всяких грубиянов...

– Ты что, назвал меня грубияном?

– Нет, я о грубиянах вообще. Так что, пожалуйста, не принимай на свой счет...

– Но ты посмотрел в мою сторону... И ты делаешь уж очень широкие обобщения.

– Нет, это ты делаешь слишком широкие обобщения, – поправил его сикх.

– Знаешь, кем себя воображает мой приятель... ах, простите, *коллега?* – обратился ко мне бритоголовый. – Сраным Генри Хиггинсом¹⁵.

¹⁵ Профессор, персонаж пьесы Бернарда Шоу «Пигмалион».

– Ну почему англичане не учат своих детей культурно разговаривать? – спросил сикх.

– Заткнись.

Они напоминали пару ворчливых супругов в комедийном сериале – из тех, что идут без перерыва по двадцать лет. Но в то же время я отдавала себе отчет, что вся их перебранка затеяна, чтобы помочь мне – ради того, чтобы я отвлеклась пережитого унижения и перестала ощущать себя беспомощным младенцем, намочившим пеленки.

Когда мы добрались до ванной комнаты, санитары помогли мне встать, прислонили к раковине и поддерживали, пока не пришла няня. Как только она показалась, парни удалились. Няня оказалась крупной веселой женщиной лет сорока восьми, судя по акценту – уроженка Йоркшира. Она проворно сняла с меня мокрую ночную рубашку.

– Сейчас быстренько все сделаем, помоемся, – приговаривала она, наполняя ванну теплой водой. Над раковиной висело зеркало. Я взглянула в него и обмерла. Женщина, которая смотрела на меня, смахивала на жертву домашнего насилия. Ее нос – сплошь покрытый полосками пластыря – раздулся, став вдвое толще и вдобавок синегато-фиолетовым. Бледные веки опухли, вокруг глаз черные круги.

– При травмах носа вид всегда жутковатый, но на самом деле ничего страшного. – Няня сразу заметила мою оторопь. – А заживает всегда очень быстро. Денька три-четыре, и снова станете красавицей.

Я невольно приснула – и не только потому что никогда себя красавицей не считала... главное, сейчас я больше всего была похожа на персонажа из шоу уродов.

– Вы американка, да? – поинтересовалась няня.

Я кивнула.

– Нравятся мне американцы, все симпатичные, кого я ни встречала. Правда, за всю жизнь я только с двумя янки была знакома. А как вы здесь у нас оказались?

– У меня муж англичанин.

– Ну разве вы не умница? – сказала она со смешком.

Погрузив меня в теплую воду, няня легкими движениями меня обтерла, а когда очередь дошла до промежности, передала салфетку мне самой. Потом помогла мне выбраться, вытерла, одела в чистую рубашку. Все это время она что-то бормотала, болтала ни о чем. Весьма английский способ поведения в неловких ситуациях – и он мне нравится. А нянька была добродушная, несмотря на грубоватый голос и ворчливые интонации.

К тому времени, как она привезла меня назад в палату, мокрые простыни уже были сняты и постелено чистое белье. Помогая мне лечь, няня сказала:

– Ни о чем не беспокойся, лапушка. Все будет хорошо.

Я свернулась на сухих простынях, наслаждаясь ощущением вновь обретенного комфорта. Подошла сестра Хоу, сообщила, что мне нужно сдать мочу на анализ.

– Ну, это дело нам знакомо, – смущенно улыбнулась я.

Я сползла с кровати, отправилась в туалет и наполнила баночку теми каплями мочи, что еще оставались у меня в резерве. Когда я вернулась, подошла другая сестра и взяла у меня кровь на анализ. Потом вернулась сестра Хоу с известием, что Тони только что звонил. Мистер Хьюз, продолжала она, будет здесь около восьми вечера, и Тони сказал, что надеется подъехать в больницу к этому времени.

– Ваш супруг сказал, что изо всех сил постарается успеть. Он так беспокоится, все спрашивал, как вы себя чувствуете.

– Вы ему не рассказали, что я тут натворила?..

– Не говорите ерунды, – улыбнулась сестра Хоу, а потом посоветовала мне не особо расслабляться, так как мистер Хьюз (ему сообщили обо мне) назначил сделать к его приходу УЗИ. В моей голове тут же забил тревожный набат.

– Он считает, что ребенку грозит опасность? – спросила я.

– Не надо об этом думать, это вам не полезно...

– Мне необходимо знать, существует ли риск выкидыша...

– Риск возникнет, если вы будете себя так настраивать.

Повышенное кровяное давление – это не только физиологический фактор. Оно также связано с тревогой и стрессом. Из-за этого-то вы и упали вчера.

– Но если у меня просто повышено давление, зачем он назначил ультразвук?

– Он хочет исключить...

– Исключить *что!* – настаивала я.

– Всегда так делается.

Это было слабым утешением. Во время исследования я не сводила глаз с мутной картинки на мониторе и приставала к ассистенту (австралийке, на вид никак не старше двадцати трех лет) с вопросом, не видит ли она каких-либо отклонений.

– Полный порядок, – отвечала она. – У вас все будет отлично.

– А у ребенка?..

– Не нужно себя накручивать, ведь...

Но окончания фразы я не услышала, потому что неожиданно у меня снова начался зуд. Только на сей раз не по всему телу, только на животе и пояснице – как раз там, где был нанесен гель. Зуд усиливался, в считанные секунды он стал невыносимым, и я сказала ассистентке, что мне необходимо почесать живот.

– Никаких проблем. – Она убрала зонд, которым водила по моему животу. Я начала бешено скрести кожу, а она наблюдала за мной, изумленно округлив глаза.

– Потише, а? – неуверенно обратилась она ко мне.

– Не могу. Я просто с ума схожу, так чешется.

– Но вы повредите себе... и малышу.

Я отняла руки. Зуд становился сильнее. Я изо всех сил закусила губу, чуть не до крови. Я крепко зажмурилась, но почувствовала жжение в глазах. И тут я залилась слезами – потому что от моих гримас невыносимо заболели еще и швы на лице.

– Как вы себя чувствуете? – тревожно спросила ассистентка.

– Плохо.

– Обождите минутку, – сказал она, – и, ради бога, не начинайте опять расчесывать живот.

Казалось, ее не было больше часа – хотя, скосив глаза на часы, я убедилась, что прошло только пять минут. Когда она вернулась вместе с сестрой Хоу, я вцепилась обеими руками в края кушетки и сдерживалась, чтобы не закричать.

– Скажите... – начала сестра Хоу.

Когда я объяснила, почему мне хочется разодрать живот в клочья или сделать что угодно, лишь бы прекратить мучения, она внимательно меня осмотрела, потом отдала какие-то распоряжения по телефону. Повернувшись ко мне, она сжала мне руку:

– Сейчас вам помогут.

– Что вы собираетесь делать?

– Дадим вам кое-что, чтобы снять зуд.

– Да ведь все это только мое воображение, все идет от головы, разве нет? – выдавила я дрожащим голосом, чуть не плача.

– Вы *считаете*, все это у вас в голове? – уточнила сестра Хоу.

– Не знаю.

– Если вы вот так чешетесь, это точно не от головы.

– Вы уверены?

Улыбнувшись, она произнесла:

– Вы не первая беременная, которая мучается от подобного зуда.

Подроспела сестра с лекарствами на тележке. С моего живота вытерли гель. Потом какой-то штукой, похожей на стерильную малярную кисть, намазали вязкой бледно-розовой жидкостью – каламиновой мазью. Зуд сразу утих. Сестра Хоу протянула мне две таблетки и пластиковый стаканчик с водой.

– А это что? – спросила я.

– Легкое успокоительное.

– Я не нуждаюсь в успокоительном.

– Я полагаю, нуждаетесь.

– Не хочу быть сонной, когда приедет муж.

– Оно не вызывает сонливости. Просто успокаивает.

– Но я *и так* спокойна.

Сестра Хоу ничего не сказала, просто молча вложила мне в руку две таблетки и протянула стакан с водой. Я неохотно проглотила лекарство, позволила усадить себя в кресло и отвезти в палату.

Тони появился почти в восемь, с газетами под мышкой и устрашающим букетом цветов. К его приходу пилюли возымели эффект – правда, сестра Хоу обещала, что я не усну, но ни слова не сказала о том, что лекарство подавляет любые эмоциональные проявления, что я буду заторможенной, вялой и оглушенной... и при этом смогу заметить, как Тони

пытается скрыть свою нервозность.

– Я ужасно выгляжу? – вяло спросила я, когда Тони подошел к кровати.

– Хватить нести чушь. – Он нагнулся и чмокнул меня в макушку.

– Не повезло тебе, гляди теперь на меня. – Я услышала собственное бесцветное хихиканье.

– После того, как ты грохнулась вчера лицом о пол, я ожидал, что будет намного хуже.

– Это утешает. Почему ты мне сегодня не позвонил?

– Потому что мне сказали, что до трех часов ты была в отключке.

– А после трех?

– Летучки, сдача материала, все такое. Это называется работой.

– Прямо как у меня. Я сейчас работаю – знаешь, на кого? На тебя.

Тони глубоко вздохнул с таким видом, будто все ему наскучило, – способ показать мне, что ему не нравится, в каком направлении пошел разговор. Но несмотря на мою вызванную лекарством заторможенность, я продолжала злиться. Именно в этот момент я вдруг почувствовала, что меня разрывает от обиды и гнева на всех и вся – и особенно, особенно на этого скрытного, закомплексованного типа, притулившегося на краешке моей кровати. Это он, именно он виноват во всем этом кошмаре – ведь это же из-за него я бере-

менна. Этот эгоистичный урод. Это дерьмецо. Этот...

А мне казалось, что эти таблетки должны успокаивать...

– Спросил бы хоть, все ли в порядке с ребенком, – проговорила я образцовым медикаментозно-ровным голосом.

Тони снова шумно втянул воздух. Никаких сомнений, он считает минуты в надежде скорее улизнуть из этого места и радуется, что избавился от меня на эту ночь. А потом, если повезет, я, может быть, еще раз упаду вниз физиономией и освобожу его еще на пару деньков.

– Ты же знаешь, как я за тебя волнуюсь, – сказал он.

– Конечно, знаю, Тони. Ты прямо-таки излучаешь тревогу.

– Видимо, это называется «посттравматический шок»?

– Ага, конечно. Валяй запиши меня в полоумные и проклинай тот день, когда со мной познакомился.

– Да что, черт побери, они с тобой сделали?

Голос за спиной Тони произнес:

– Ей дали валиум, раз уж вы спросили. И насколько я вижу, препарат не возымел желаемого эффекта.

Возле кровати стоял мистер Десмонд Хьюз собственной персоной, с моей картой в руках, в бифокальных очках на самом кончике носа. Я спросила:

– Доктор, с ребенком все нормально?

– И вам доброго вечера, миссис Гудчайлд. О да, все прекрасно.

Он повернулся к Тони:

– Вы, должно быть, мистер Гудчайлд?

– Тони Хоббс.

– Да, верно, – пробормотал Хьюз, едва кивнув. Затем обратился ко мне с вопросом: – Ну-с, как мы себя чувствуем? Трудные были двадцать четыре часа, полагаю?

– Скажите про ребенка, доктор.

– Насколько я могу судить на основании ультразвукового сканирования, все обошлось, ребенок не пострадал. Вы же, думаю, страдаете от проявлений холестаза.

– Проявлений чего? – переспросила я.

– Я говорю о хроническом зуде. Довольно частое явление у беременных... и нередко появляется в сочетании с преэклампсией, то есть, как вы, может быть, знаете...

– Высоким давлением?

– Прекрасно... хотя мы, клиницисты, предпочитаем называть это артериальной гипертензией. Хорошо, однако, то, что у вас нормальный уровень мочевой кислоты в крови. При преэклампсии уровень мочевой кислоты повышен, следовательно, можно сделать утешительный вывод, что вы преэклампсией *не* страдаете. Однако давление очень высоко. Если не контролировать его, это может оказаться опасным и для матери, и для ребенка. Поэтому я прописываю вам бета-блокатор, он стабилизирует давление, а также антигистаминный препарат, пиритон, – он снимет зуд. А еще вам следует принимать валиум, по пять миллиграммов три раза в день.

– Я не стану больше пить валиум.

– Почему это?

– Потому что он мне не нравится.

– Есть многое на свете, что нам не нравится, миссис Гудчайлд... а между тем приносит нам пользу.

– Как шпинат?..

Тони нервно кашлянул:

– Гхм... Салли...

– Что?

– Если мистер Хьюз считает, что валиум тебе поможет...

– Поможет? Меня от него просто тошнит.

– Действительно? – спросил мистер Хьюз.

– Не смешно, – ответила я.

– Я не предполагал шутить, миссис Хоббс...

– Я Гудчайлд, – перебила я. – Я не меняла фамилию. Хоббс – он. А я – Гудчайлд.

Тони и врач украдкой переглянулись. О боже, почему я так *странно* себя веду?

– Простите меня, миссис *Тудчайлд*. И разумеется, я не могу принуждать вас принимать какие-либо препараты против воли. Однако, как клиницист, я могу диагностировать, что вы в настоящий момент переживаете стресс...

– А я, как *объект* ваших наблюдений, могу диагностировать, что валиум играет неприятные шутки с моей головой. Поэтому, *нет*... к этим таблеткам я больше не прикоснусь.

– Это ваше право – но прошу понять, по-моему, это нера-

зумно.

– Приняла к сведению, – хладнокровно ответила я.

– Но пиритон-то вы будете принимать?

Я кивнула.

– Ну хоть что-то, – произнес Хьюз. – И продолжим лечить зуд каламиновой мазью.

– Отлично, – согласилась я.

– Ну-с, и, наконец, последнее, – сказал Хьюз. – Вы должны понимать, что высокое давление очень опасно – из-за этого вы и впрямь может лишиться ребенка. Поэтому до конца беременности вы должны избегать любых физических и психологических нагрузок. Это неременное условие.

– То есть вы хотите сказать?.. – начала я.

– Я хочу сказать, что вам не следует ходить на службу, пока...

Я не дала ему договорить:

– *Не работать!* А как вы себе это представляете? Я журналист – корреспондент. У меня есть обязательства...

– Да, у вас есть обязательства, – перебил меня Хьюз. – Обязательства перед собой и ребенком. И хотя частично мы способны нормализовать ваше состояние химическими препаратами, в первую очередь вам требуется покой. По сути дела, только постельный режим может обеспечить нормальное вынашивание. И именно по этой причине мы подержим вас в стационаре до окончания...

Я не верила собственным ушам.

– До окончания беременности? – спросила я робко.

– Боюсь, что так.

– Но это же еще три недели. Не могу же я вот так бросить работу...

Тони твердо опустил мне руку на плечо, призывая замолчать.

– Увидимся завтра на утреннем обходе, миссис Гудчайлд, – сказал Хьюз. Кивнув Тони, он перешел к следующей пациентке.

– Поверить не могу, – прошептала я.

Тони только пожал плечами.

– Мы с этим справимся. – С этими словами он посмотрел на часы и сообщил, что ему необходимо возвращаться в редакцию.

– Но разве ты не сказал, что уже сдал свои полосы в печать?

– Я такого не говорил. К тому же, пока ты была без сознания, оказалось, что заместитель премьер-министра замешан в скандале с детским порно, а в Сьерра-Леоне вспыхнул вооруженный конфликт между враждующими группировками...

– У тебя во Фритауне есть человек?

– Есть, внештатник. Дженкинс. Неплох для всякой мелочи. Но раз речь о настоящей войне, думаю, придется посылать кого-то из наших.

– Может, сам поедешь?

– Только в мечтах.

– Если хочешь, езжай. Я тебя не задерживаю.

– Я никуда не поеду, поверь.

Он говорил ласково, но твердо. В первый раз он высказал вслух свое желание вырваться на волю. Или, по крайней мере, мне так показалось.

– Ну что ж, все ясно, – сказала я.

– Ты прекрасно понимаешь, что я хочу сказать.

– Нет, если честно, не очень.

– Я заведу внешнеполитическим отделом – а заведу-щие отделом не срываются с места, чтобы писать материал о какой-то паршивой перестрелке в Сьерра-Леоне. Но им приходится сидеть в отделе, чтобы готовить свои полосы к печати.

– Так иди. Я тебя не задерживаю.

– Ты уже второй раз это говоришь.

Он сложил на прикроватный столик свои гостинцы – газеты и поникшие цветы. Потом еще раз торопливо поцеловал меня в лоб:

– Завтра приду.

– Я надеюсь.

– Я позвоню тебе прямо с утра, а может, даже сумею за-скочить к тебе до работы.

Но утром он не позвонил. Когда я позвонила домой в половине девятого, Тони не ответил. Я набрала номер его мобильного, но абонент был недоступен и меня переключи-

ли на его голосовую почту. Я оставила короткое сообщение: «Сижу тут, все уже надоело до чертиков, и только думаю – где же ты? И почему не отвечаешь на звонки? Пожалуйста, позвони скорее, мне ведь и впрямь небезразлично, где же мой муж».

Только через два часа зазвонил телефон в палате. Голос Тони звучал нейтрально, как Швейцария:

– Привет. Извини, что до меня нельзя было дозвониться.

– Понимаешь, я позвонила домой в полдевятого, а там никого не было.

– Какой сегодня день?

– Среда.

– А что я делаю каждую среду?

Отвечать было необязательно, потому что он знал, что мне известен ответ: по средам он завтракал с главным редактором. Завтрак в «Савое» всегда начинался в девять. А это означало, что Тони выходил из дому ровно в восемь. *Идиотка, идиотка... что ж ты нарываешься на неприятно сти?*

– Прости, – сказала я.

– Ничего страшного. – Его голос звучал холодно, отстраненно. – Как ты себя чувствуешь?

– По-прежнему довольно хреново. Но хотя бы зуд удалось снять, спасибо каламиновой мази.

– Это уже облегчение, полагаю. Когда у вас часы посещения?

– Как раз сейчас.

– Сейчас я должен встретиться с парнем, который отвечает у нас за Африку. Но я могу это отменить.

Тут я подумала: почему же он не сказал мне об этом вчера? И о завтраке с редактором, и об этой встрече? Может, просто не хотел говорить заранее, что не сумеет приехать сегодня утром? Может, эта встреча была только что назначена, учитывая ситуацию в Сьерра-Леоне. А может... о, господи, я не знаю. В этом и состояла все усугубляющаяся проблема с Тони: *я не знала*. Казалось, он живет за занавесом. Или это меня выводят из равновесия усталость и давление, не говоря уже о *холестазе* и прочих прелестях, неотделимых отныне от моей дивной беременности? Как бы то ни было, я решила не нагнетать атмосферу из-за того, что он не приедет ко мне прямо сейчас. В конце концов, спешить мне было некуда.

– Не нужно, – ответила я. – Увидимся завтра.

– Ты уверена? – переспросил Тони.

– Я позвоню Маргарет, может, она сумеет ко мне забежать во второй половине дня.

– Тебе что-нибудь принести?

– Возьми чего-нибудь вкусного в «Марксе и Спенсере».

– Я постараюсь прийти пораньше.

– Вот и хорошо.

Разумеется, Маргарет была в больнице уже через полчаса после моего звонка. Увидев меня, она постаралась скрыть свои чувства, но это ей не удалось.

– Я задам только один вопрос, – начала Маргарет.

- Нет, Тони этого не делал.
- Только не вздумай его покрывать.
- Да нет же, *честно*.

И я рассказала ей всю свою историю, описала нашу чудную перепалку с Хьюзом и то, что я отказалась примкнуть к дружной армии пользователей валиума.

– Вот и молодец, что отказалась от этой дряни, – заявила она. – Если от нее у тебя крыша едет.

– Можешь мне поверить, от этого валиума я стала злобной, как фурия.

– А Тони – как он со всем этим управляется?

– Сугубо по-английски, с полной невозмутимостью. А я тем временем начинаю тихонько паниковать... и не только при мысли о том, что придется три недели валяться на больничной койке: моей газете вряд ли понравится, что я выбыла из строя.

– Но ведь тебя, конечно, не уволят?

– Хочешь, побьемся об заклад? У газеты сейчас туго с деньгами, как и у всех кругом. Ходят упорные слухи о сокращении штатов в зарубежных офисах. И я не сомневаюсь: как только я выйду из строя на несколько месяцев, меня вычеркнут из списков и глазом не моргнут.

– Но, по крайней мере, тебе обязаны выплатить выходное пособие...

– Только не в случае, если я останусь жить в Лондоне.

– Ты торопишься с выводами.

– Да нет, просто, будучи типичной американкой, я реалистично смотрю на вещи. И еще я думаю о том, что после окончания ремонта и выплаты ипотечного кредита денег останется совсем немного.

– Ну хорошо, тогда позволь мне немного облегчить тебе больничную жизнь. Давай-ка я оплачу одноместную палату на ближайшие пару недель.

– А здесь это возможно?

– Я так делала, когда рожала своих детей. Это даже не очень дорого. Не больше сорока фунтов за ночь.

– Ой, за три недели получается очень дорого.

– Брось, пусть тебя это не беспокоит. Важно только одно: тебе нужен максимальный покой – и не когда-то, а прямо сейчас. И одноместная палата тебе, несомненно, пойдет на пользу.

– Да, но моя гордыня не позволяет принимать твою благотворительность, да еще в таких размерах.

– Это не благотворительность. Это подарок. Подарок на память перед тем, как я попрощаюсь с этим городом.

Я оторопела.

– О чем ты говоришь? – только и удалось мне выдавить.

– Мы возвращаемся в Нью-Йорк. Александр только вчера узнал о переводе.

– А когда вы едете?

– Через две-три недели. В фирме прошла серьезная реорганизация, в результате Александра сделали старшим парт-

нером, и он должен возглавить отдел судопроизводства. Нам организуют переезд по-быстрому, пока в школе каникулы.

Меня снова охватила тревога. Маргарет – моя единственная подруга в Лондоне.

– Черт, – пробормотала я.

– Самое правильное слово, – отреагировала она. – Потому что, как я ни жаловалась на Лондон, как ни ворчала, а теперь понимаю, что буду страшно по нему скучать, когда мы вернемся в свою дыру, я стану домоседкой, буду возить деток на футбол, раздражаться на соседей по Чаппакуа¹⁶ и удивляться, почему все вокруг такие зануды.

– А не может Александр попросить, чтобы ему разрешили задержаться подольше?

– Никаких шансов. Если фирма чего-то хочет, она это получает. Верь мне, через три недели я буду тебе *отчаянно* завидовать. Хоть этот город порой и способен свести с ума, зато здесь всегда так интересно.

К тому времени, как Тони добрался до больницы в тот вечер, меня уже перевели в уютную и удобную одноместную палату. Но когда мой муж спросил о причинах этого внезапного улучшения условий – и я рассказала ему о великодушии Маргарет, – его реакцией было полное неприятие, резкое и решительное.

– И какого черта она это устроила?

– Это ее подарок. Мне.

¹⁶ Чаппакуа – город в штате Нью-Йорк с населением 9,5 тысячи человек.

– Ты что, выпрашивала у нее подачки?

Я уставилась на него круглыми от удивления глазами:

– Тони, что ты...

– Признайся, пела Лазаря, била на жалость?

– Ты действительно думаешь, что я на такое способна?

По-твоему, это на меня похоже?

– Ну, ей же явно стало так жалко тебя, бедняжку...

– Я повторяю: это *подарок*. И ее искреннее желание помочь мне...

– Мы его не принимаем.

– Но почему?

– Потому что я не принимаю подачек от богатеньких американок.

– Это не *подачка*. Она мой друг и...

– Я сам за все заплачу.

– Тони, но счет уже оплачен. И вообще, не вижу проблемы!

Молчание. Я, конечно, понимала, что проблема есть: это гордыня Тони. Он, разумеется, никогда бы этого не признал. Поэтому он только пробормотал:

– Лучше бы ты сначала посоветовалась со мной.

– Понимаешь, это было сложно – ты весь день не звонил.

А пока меня не перевели сюда, где есть телефон прямо у кровати, мне трудновато было стоять и дозваниваться тебе самой. Учитывая, что мне велели как можно меньше двигаться.

– Как ты себя чувствуешь?

– Кожа зудит поменьше. И я даже передать не могу, как рада, что выбралась из той богом забытой палаты.

Пауза. Тони не смотрел на меня.

– На какой срок Маргарет оплатила палату?

– На три недели.

– Хорошо, я буду оплачивать ее дальше, сколько потребуется.

– Отлично, – сказала я спокойно, преодолев искушение сказать: «Лишь бы *ты* был доволен, Тони». Вместо этого я показала на пакет из универсама «Маркс и Спенсер», который он не выпускал из рук, и спросила: – Неужели, пробыл ужин?

Тони пробыл у меня целый час – наблюдая, как я поедаю принесенные им сэндвичи и салат. Рассказал, что звонил в «Пост», разговаривал с Э. Д. Гамильтоном и сообщил ему, что я внезапно попала в больницу.

– Уверена, он был безутешен, – отозвалась я.

– Да уж, безумного участия я в его голосе не уловил.

– Ты что-нибудь сказал ему о том, что я вышла из строя на несколько недель?

– Я не такой тупой.

– Мне бы хотелось самой сообщить об этом главному.

– Подожди пару деньков, отлежись, приди немного в себя.

А то сейчас ты совсем никакая.

– Да, ты прав. И больше всего мне сейчас хочется отклю-

читься на три недели, отоспаться, а потом проснуться и обнаружить, что я уже не беременна.

– Все будет хорошо, – утешил Тони.

– Конечно... когда перестану выглядеть так, будто меня избил муж.

– Никто все равно не поверит, что тебя избил муж.

– Почему это?

– Потому что ты крупнее меня.

Я невольно рассмеялась. Тони – я снова отметила это – всегда удавалось меня рассмешить, если только наш разговор начинал переходить в спор или если ему казалось, что я чем-то слишком обеспокоена. У меня была уйма причин для беспокойства, но я слишком устала, чтобы все это обсуждать: свое физическое состояние, страх, что я потеряю ребенка, мысли о том, какотреагируют в «Пост» на известие о моем неопределенно долгом больничном, не говоря уже о таких будничных домашних вещах, как неоконченный ремонт. Усталость накрыла меня, как волной, – и я сказала Тони, что буду спать. В ответ он с прохладцей поцеловал меня в голову и пообещал заскочить завтра утром до работы.

– Захвати побольше книжек, – попросила я. – Я ведь здесь на три недели, а это долго.

Потом я выключилась на целых десять часов и проснулась, когда забрезжил рассвет, одновременно обрадовавшись и удивившись тому, что спала так долго. Я встала и отправилась в туалет, расположенный здесь же, при палате.

Рассмотрела в зеркале свою искалеченную физиономию. И ощутила что-то весьма близкое к отчаянию. Я пописала, и зуд снова начался. Я вернулась в постель и позвонила сестре. Она задрала мне рубашку и намазала живот каламиновой мазью. Я выпила две таблетки пиритона и спросила сестру, не может ли она принести мне чашку чаю с парой тостов.

– Нет проблем. – И она вышла.

В ожидании завтрака я смотрела в окно. Дождя нет, но темнота непроглядная – а чего вы хотели в 6:03 утра? Я вдруг поймала себя на мысли о том, до чего, в сущности, от нас ничего не зависит в этой жизни, старайся не старайся. Можно обманывать себя, считая, что мы – хозяйева своей судьбы... и вдруг случай забрасывает нас в такие места или такие обстоятельства, в которых мы и не помышляли оказаться.

Как, например, эта больница.

Тони появился у меня в девять, с утренними газетами, тремя книгами и моим ноутбуком. Мы побыли вместе всего двадцать минут, потому что он торопился в редакцию. Несмотря на спешку, он был мил и, что меня порадовало, даже не заикнулся о вчерашних разногласиях по поводу палаты. Тони сидел на краю кровати и держал меня за руку. Он засыпал меня вопросами о моем самочувствии и настроении. Он явно был рад меня видеть. А когда я попросила его быть постороже с рабочими (я даже думать боялась о том, что вернусь в разруху и разгром с младенцем на руках), он уверил меня, что за всем проследит и не позволит им расслаб-

ляться.

После его ухода я ощутила легкий укол ревности. Он отправился в большой мир, а я вынуждена валяться здесь. Постельный режим и полный покой. Никакой физической активности. Никаких волнений, чтобы давление не подскочило до верхних слоев стратосферы. Впервые в моей взрослой жизни я оказалась на казарменном положении. И мне уже было безумно тоскливо, словно я была в тюрьме.

И все же кое-чем я теперь могла заняться. Тем же утром я написала и отправила по электронной почте письмо своему боссу, Томасу Ричардсону, главному редактору «Пост». В нем я объясняла, что со мной стряслось и почему я, возможно, выбываю из строя до рождения ребенка. Я уверяла его, что все это произошло не по моей воле, что я ничего не могу поделать, но что сразу же по окончании родового отпуска готова выйти на работу. Я пожаловалась, как сложно быть заточенной в стенах больничной палаты, ведь за свою профессиональную жизнь я так привыкла гоняться за сюжетами.

Перечитав письмо несколько раз, я убедилась, что оно написано в верной тональности и что в нем ясно выражена мысль о моей готовности *немедленно* вернуться к работе. К этому я добавила номер телефона в палате, на случай если шеф захочет со мной связаться. Потом я черкнула короткое письмоце Сэнди, в котором поведала, что в плавное течение моей беременности только что вмешался закон подлости, и описала все, что произошло за последние сорок

восемь часов. Ей я тоже дала номер телефона в Мэттингли. «Телефонные звонки принимаются с благодарностью, – писала я, – тем более что меня приговорили к трем неделям *постельного режима*».

Я отправила сообщение. Через три часа телефон зазвонил, и я обнаружила на другом конце линии свою сестру.

– Господи боже, – заявила Сэнди. – Умеешь же ты осложнить себе жизнь.

– Можешь мне поверить, я это не нарочно устроила.

– Похоже, ты даже утратила свое знаменитое чувство юмора.

– Сама удивляюсь.

– Но вообще-то, ты с этими делами не шути. Преэклампсия – это очень серьезно.

– У меня только *риск* преэклампсии.

– И все-таки это довольно опасно. Так что раз в жизни выйди из роли девчонки-боевика и слушайся доктора. А как Тони, переживает?

– Держится неплохо.

– Что-то я не слышу уверенности в твоем голосе. Я права?

– Сама не знаю. Вообще-то, он очень занят.

– В каком смысле?..

– Да так, забудь. Кажется, я сейчас просто слишком чувствительна к любым мелочам.

В тот же день мне позвонила секретарша Томаса Ричардсона. Она объяснила, что босс на несколько дней выехал по

делаю в Нью-Йорк. Но она прочитала ему мое письмо, и он просил передать, что его беспокоит мое здоровье и что я не должна ни о чем волноваться и думать о работе, пока мне не станет лучше. Я спросила, смогу ли поговорить с мистером Ричардсоном после его возвращения. После короткой паузы она ответила: «Я уверена, что он с вами свяжется».

Этот ответ не выходил у меня из головы весь день. Когда вечером пришел Тони, я спросила, не кажется ли ему этот ответ зловещим знаком. Он улыбнулся:

– Тебя волнует, почему она прямо не сказала тебе – мол, я знаю, он собирается вас уволить?

– Что-то в этом роде.

– Возможно, причина в том, что он *не* собирается увольнять тебя.

– Но то, как она это сказала: «*Я уверена, что он с вами свяжется*»... Это прозвучало так многозначительно.

– Разве она не передала тебе, что Ричардсон велел ни о чем не волноваться?

– Да, но...

– Так он прав. Выбрось все это из головы. Потому что волноваться тебе вредно, а главное, даже если происходит что-то неприятное, ты сейчас все равно никак не можешь повлиять на ситуацию.

По сути, Тони был совершенно прав. Я абсолютно ничего не могла поделать, оставалось только лежать и ждать, когда же мой ребенок появится на свет. Какое же это было стран-

ное, нелепое чувство – будто тебя остановили на бегу, выключили и насильно заставляют бездельничать. Я всю жизнь работала, каждый час каждого дня был заполнен. Я никогда не позволяла себе простоя, не говоря уже о недельке-другой полной расслабухи. Мне всегда требовалось чем-то себя занять, и дела всегда находились – я не только была трудоголиком, но еще и боялась потерять темп. И не думаю, чтобы эта потребность в постоянном движении объяснялась какой-то психологической ерундой типа «бегства от себя» или «попыткой самопознания». Просто мне нравилось заниматься делом. Чувство цели меня бодрило – придавало форму и осмысленность каждому дню.

И вот теперь время неожиданно растянулось. Без забот и дел по работе, по дому каждый больничный день казался мне непомерно долгим. Ни заданий, ни спешки. Просто одна неделя неспешно перетекала в другую. Мне предстояло перечитать целую грудку книг. Я получила возможность наверстать упущенное и прочитать выпуски «Нью-Йоркера» за четыре месяца, до которых никак не доходили руки. Вдобавок я заделалась настоящим фанатом третьего и четвертого радиоканалов, по которым шли то программы, посвященные таинствам садоводства, то едкие дискуссии эрудитов-музыковедов обо всех мыслимых аранжировках исполнения Одиннадцатой симфонии Шостаковича. Сэнди звонила ежедневно. Маргарет – просто умница – умудрилась навестить меня целых четыре раза за неделю. А Тони прихо-

дил каждый вечер после работы. Я ждала его появления, как праздника, озарявшего мое прозаическое и унылое больничное житье. Он всегда старался провести у меня не меньше часа, но часто от меня торопился назад в офис или на какой-нибудь ужин, тоже связанный с его профессиональными делами. Иногда, конечно, он казался озабоченным, но по большей части был оживлен и даже нежен. Я понимала, что беднягу Тони сильно грузят в газете. И знала, что на дорогу от Уоппинга до Фулхэма он тратит не меньше часа. И хотя он не произносил этого вслух, я была уверена, что он задает себе вопрос, как же это он вляпался в такую чертовщину. И года не прошло, а его вольная и независимая жизнь превратилась в какой-то ужас: приходится каждый день тянуть лямку в кабинете и дома, как большинству обычных людей. Но он же сам этого хотел, *ведь так?* Это именно он начал разговоры и о переезде в Лондон, и о нашей совместной жизни. Он убеждал меня, пока я не отбросила сомнения и не поддалась на его уговоры. Потому что и мне этого хотелось.

Но теперь...

Теперь мне, как ни странно, тоже всего этого хотелось. Но еще я хотела почувствовать больше участия своего супруга – почувствовать, что заботы у нас с ним общие. А между тем на мой вопрос, как у него дела, он всякий раз отвечал лаконичным «Все прекрасно». И тут же менял тему разговора.

Несмотря на все это, Тони, особенно в хорошем настроении, был для меня лучшей и самой желанной компанией. До

тех пор, пока мы не начинали разговоров о доме или о чем-то серьезном. Например, о моей ситуации с «Бостон пост».

Прошло дней десять после того, как было отправлено первое письмо Томасу Ричардсону, и я все больше дергалась и нервничала оттого, что он не перезванивает. Правда, и Сэнди, и Маргарет меня успокаивали, убеждая, что босс просто не хочет нервировать меня, пока я выздоравливаю.

– Почему бы тебе просто не сосредоточиться на собственном здоровье, – убеждала Сэнди.

– Но мне *уже* лучше, – отвечала я, и это правда было так. Наконец, пропал мерзкий зуд, мое душевное равновесие восстанавливалось (кстати, без помощи валиума). Да и бета-блокаторы делали свое дело, давление постепенно падало – к концу второй недели оно уже почти нормализовалось. Это очень радовало Хьюза. Подойдя ко мне во время очередного обхода (он совершал их дважды в неделю), он взглянул на новые показатели давления в моей карте и провозгласил, что я «демонстрирую блестящие результаты».

– Заметно, что вы проявили волю к выздоровлению, – сказал он.

– Я думаю, лучше назвать это типично американской упертостью, – ответила я, вызвав на губах строгого Хьюза еле заметный намек на улыбку.

– Как ни назови, прогресс налицо.

– Так вы полагаете, что беременность удалось вывести из опасной зоны?

– Не вполне точная интерпретация моих слов, не так ли? Факт остается фактом: вы подвержены гипертензии. Поэтому нам нельзя расслабляться и терять бдительность, тем более что рожать вам совсем скоро. И вы должны избегать любых стрессов.

– Стараюсь изо всех сил.

Но через два дня после этого мне позвонил Ричардсон.

– Нас всех тут очень волнует твое состояние, – начал он своим обычным отеческим тоном.

– Спасибо, все идет хорошо, я смогу приступить к работе самое большое через шесть месяцев, это включая три месяца официального родового отпуска.

На трансатлантической телефонной линии повисла пауза – и я поняла, что обречена.

– Боюсь, мы вынуждены произвести кое-какие изменения в штате своих зарубежных представительств. Наши финансисты требуют, чтобы мы потуже затянули ремни. Поэтому было решено, что мы можем оставить в Лондоне только одного сотрудника. А поскольку ты по здоровью выбыла на неопределенный срок...

– Я же говорю, что *вернусь* через полгода, не больше.

– Э. Д. *сейчас* старший корреспондент. Что еще важнее, он *сейчас реально* работает.

И я поняла, что Э. Д. плел против меня интриги с того самого дня, как я заболела.

– Значит ли это, что вы меня увольняете, мистер Ричард-

сон? – спросила я.

– Салли, *прошу тебя*. Мы же «Бостон пост», а не какой-нибудь транснациональный гигант. Приходится заботиться о выживании. Мы будем платить тебе полную зарплату в ближайшие три месяца. А потом, если ты захочешь к нам вернуться, будем рады взять тебя на должность, которая будет свободна.

– В Лондоне?

Снова томительная трансатлантическая пауза.

– Я ведь уже сказал: мы сокращаем лондонский штат до одной единицы.

– Это означает, что если я хочу работать, то должна вернуться в Бостон?

– Да, именно так.

– Но вы же знаете, что именно сейчас это невозможно. Я хочу сказать, я только несколько месяцев назад вышла замуж, а сейчас жду ребенка...

– Салли, я понимаю твое положение. Но пойми и ты мое. Переезд в Лондон был твоим решением – и мы постарались под него подстроиться. Теперь тебе нужен длительный отпуск по здоровью и родам, и мы не просто оплачиваем тебе три месяца, но и гарантируем работу, если ты к нам решишь вернуться. Тот факт, что работа будет не в Лондоне... На это я могу сказать только одно: обстоятельства меняются.

Я вежливо закончила разговор, поблагодарила Ричардсона за трехмесячное жалование и обещала, что подумаю над

его предложением, хотя мы оба знали, что принять его я никак не смогу. А это, в свою очередь, означало, что мой работодатель, на которого я трудилась шестнадцать лет, дает мне отставку.

Тони порадовало, что деньги «Пост», по крайней мере, помогут решить в ближайшие месяцы вопрос с выплатой ипотечного кредита. Но меня, что и говорить, беспокоило, как после этого мы сумеем прожить на одну его зарплату, учитывая все наши обстоятельства.

– Мы что-нибудь придумаем, – неуверенно отвечал на мои сомнения Тони.

Маргарет велела мне прекратить думать о деньгах.

– В этом городе столько газет, уверена, что ты пристро-ишься где-нибудь внештатником. Тони прав – у вас есть трехмесячная отсрочка. А сейчас думать тебе нужно только об одном – чтобы нормально провести эту неделю, как следует отдохнуть и набраться сил. Когда появится малыш, забот у тебя прибавится. Кстати, тебе не нужна отличная уборщица? Ее зовут Ча, она работала у нас все время, что мы жили в Лондоне. Замечательная помощница, все делает просто блестяще, и сейчас ищет приработок. Так что...

– Дай мне ее номер, я поговорю с Тони. Нужно сначала подсчитать наш бюджет и решить, по карману ли нам...

– Давай я заплачу.

– Это невозможно. Ты уже оплатила мне эту роскошную палату, и я начинаю себя чувствовать какой-то побирушкой.

– Но мне доставляет удовольствие помогать тебе.

– Прости, не могу принять.

– Но тебе придется. Потому что это будет моим подарком.

Услуги Ча на шесть месяцев, по два раза в неделю. И ты ничего не можешь с этим поделаться.

– Полгода? Ты сумасшедшая.

– Не-а, просто богатая, – сказала она со смешком.

– Ты меня смутила.

– А вот это глупо.

– Мне нужно обсудить это с Тони.

– Ему не обязательно знать, что это подарок.

– Я предпочитаю быть с ним честной. Особенно в таких вопросах. Я хочу сказать, его не особо порадовало, что ты оплатила палату.

– Знаешь, мне кажется, что «быть честной» – не самая удачная и не самая умная линия поведения в браке. Особенно, когда речь идет о мужском самолюбии.

– Согласится он принять твой подарок или нет, ты все равно – лучшая подруга, какую можно представить. Ох, как жалко, что ты уезжаешь.

– В этом смысле плохо быть замужем за членом корпорации. Те, кто платит большие деньги, вертят тобой, как хотят, никакой личной жизни. Я думаю, это отчасти сродни сделке Фауста.

– Ты у меня здесь единственная подружка.

– Я уже тебе говорила, это изменится... со временем. И

главное, есть же телефон! Как только тебе захочется поплакать мне в жилетку, я всегда буду на связи. Хотя, учитывая, *как* я буду скучать по ванильному мороженому графства Уэстчестер, пожалуй, плач через Атлантику придется выслушивать тебе.

Через два дня она уехала. В тот вечер я наконец набралась храбрости сообщить Тони о прощальном подарке Маргарет.

– Не верю, что ты это серьезно, – пробормотал он с досадой.

– Говорю же тебе, это была ее идея.

– Хотелось бы верить.

– Ты в самом деле считаешь, что я способна на нечто настолько вульгарное?

– Просто странное совпадение, особенно после...

– Знаю, знаю – она заплатила за эту проклятую палату.

И ты не можешь смириться с мыслью, что она просто хочет немного облегчить мне жизнь...

– Суть не в этом – и ты это знаешь.

– А в *чем* тогда суть, Тони?

– Мы отлично можем и сами платить этой чертовой уборщице, вот и все.

– А ты думаешь, Маргарет этого не знает? Я же и говорю, это просто подарок. Да, *согласна*, подарок очень щедрый – потому я ей и твердила, что не могу его принять, не переговорив с тобой. Потому что было у меня легкое подозрение, что ты отреагируешь именно так.

Пауза. Тони избегал моего сердитого взгляда.

– Как ее зовут... эту помощницу? – спросил он наконец.

Я протянула листок бумаги, на котором Маргарет записала имя Ча и контактный телефон.

– Я ей позвоню и договорюсь, чтобы начала на следующей неделе. За наш счет.

Я ничего не ответила. В конце концов он заговорил опять:

– Главный редактор просил меня съездить завтра в Гаагу.

Короткая командировка, на один день, – нужна статья о трибунале по военным преступлениям. Я понимаю, что у тебя все может начаться в любой момент. Но это всего-навсего Гаага. Если что, я через час буду на месте.

– Конечно, – сказала я ровным голосом. – Поезжай.

– Спасибо.

Он заговорил о другом, рассказал мне забавную историю о коллеге в редакции, которого поймали на том, что он завышал в отчетах свои расходы. Я с трудом сдерживалась, стараясь не улыбнуться, не показать, что мне интересно и смешно, – потому что еще не пришла в себя после нашей перебранки. А еще мне не нравилось, что Тони, как обычно, прибегает к своему коронному трюку: «насмешишь – и она успокоится». Видя, что я не реагирую на его шутки, он спросил:

– Что с лицом, почему ты такая надутая?

– Тони, а чего ты ждал?

– Не понимаю...

– Да брось ты, после того, как мы только что ссорились...

– Это была не ссора. Скорее я бы назвал это обменом мнениями. Да и в любом случае, все это уже древняя история. – Он нагнулся и поцеловал меня. – Завтра позвоню тебе из Гааги. И не забудь – если что, мой мобильник включен.

После ухода Тони я не меньше часа «доруливалась» с ним, проигрывая в голове весь наш спор, довод за доводом. Будто какой-нибудь литературный критик, я анализировала каждое слово, пыталась извлечь все *скрытые смыслы и подтексты* разговора – и ломала голову над тем, что бы все это, в конце концов, значило. Было, в общем, очевидно, что весь инцидент вырос на почве преувеличенного самолюбия Тони. Но меня больше волновал другой, куда более серьезный вывод – я постепенно осознавала, что мне не удастся найти общего языка с человеком, за которого я вышла замуж. О да, мы оба говорили по-английски. Но речь шла не о тривиальной разнице британской и американской его разновидности. Здесь было что-то более глубокое, и это всерьез тревожило меня – мне казалось, что между нами никогда не возникнет взаимопонимание, что мы всегда останемся друг для друга чужаками, которых лишь случайно свела судьба.

– Чужая душа потемки, – высказалась Сэнди во время нашего вечернего разговора. Но когда я ей призналась, что реакции и поступки Тони подчас для меня непостижимы, сестра сказала: – А ты возьми меня. Всегда была уверена, что Дин – простоватый, надежный симпатяга без единой задней мысли. Но мне как раз эта простота и понравилась, я подума-

ла: по крайней мере, всегда сумею его просчитать. Он всегда будет у меня в кулаке. И когда мы познакомились, он именно таким и был. И что случилось? Десять лет жили пристойно, завели троих детей, и тут мой муженек вдруг решает, что городская жизнь его достала. Он встречает девушку своей мечты – тощую лесничиху из национального парка в Мэне – и убегает из дому, чтобы, видите ли, вести с ней жизнь на лоне природы в парке Бакстер. Теперь если он повидается с детьми раз в три месяца, это событие. Так что ты хоть с самого начала знаешь, что тебе попался трудный экземпляр. Мне отсюда кажется, что это преимущество. Да ты и сама это понимаешь.

Может, она была права. Возможно, мне просто нужно было набраться терпения и вспомнить, что такое *толерантность*, а также всякую бодрую ерунду типа «не падай духом», «выше нос» и тому подобное.

Снова и снова я повторяла про себя эти мантры в духе Полианны¹⁷. Снова и снова я пыталась сделать радостное лицо и улыбаться. Я старалась до тех пор, пока не устала и не выключила свет в палате. Я проваливалась в зыбкий, беспокойный сон, а мозг в это время сверлила странная мысль: «Я проиграла».

А потом появилась другая мысль: «Почему тут так сыро?» Я вынырнула из сна не сразу. В первые мгновения я рас-

¹⁷ Полианна – главная героиня одноименной повести известной американской писательницы Элинора Портер (1868–1920).

сеянно подумала: а я вроде и не хотела в туалет. Потом, глянув в сторону окна, заметила, что на улице светло. На часах было 6:48 утра. Только после это вернулась первая мысль: «Почему же тут так сыро?»

Я села в постели, резко откинула одеяло. Кровать была совершенно мокрой.

У меня отошли воды.

Глава пятая

Я не впала в панику, даже не особо испугалась. Просто нажала кнопку вызова. Потом дотянулась до телефона и набрала номер мобильного Тони. Номер был занят, поэтому я позвонила на его прямой номер в редакции и оставила сообщение на автоответчике.

– Привет, это я, – сказала я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. – Началось... так что, когда вернешься в Лондон, приезжай, пожалуйста, в Мэттингли.

Едва я успела положить трубку, ко мне подошла дежурная сестра. Бросив взгляд на мокрую постель, она позвонила. Два санитара прибыли очень скоро. Встав по обе стороны моей кровати, они опустили колесики и выкатили меня из палаты, обсуждая, по какому коридору лучше доставить меня в родильное отделение. По дороге у меня начались схватки, сначала слабые, но все усиливающиеся. К тому моменту, когда за мной закрылись двери, боль стала нестерпимой. Казалось, кто-то сжимает мои внутренности железной хваткой, взявшись показать мне новые пучины страдания. Акушерка – крохотная, тщедушная азиатка – была уже на месте. Схватив с тележки пакет хирургических перчаток, она вскрыла его, натянула перчатки и сообщила, что собирается осмотреть шейку матки. Хотя я понимала, что она старается орудовать как можно аккуратнее, прикосновение пальцев в

перчатке показалось мне хваткой стальных щипцов. Я и отреагировала соответственно.

– У вас очень сильные боли, да? – спросила акушерка.

Я кивнула.

– Доктор подойдет с минуты на минуту...

– С ребенком все в порядке?

– Да, я уверена, что все...

Новая безумная схватка. Я громко вскрикнула, потом собралась, спросила:

– Нельзя ли сделать обезболивание?

– Пока вас не осмотрел доктор...

– *Пожалуйста...*

Она погладила меня по плечу:

– Сейчас что-нибудь придумаем.

Но прошло не меньше десяти минут, пока она вернулась с санитаром. К этому времени у меня было темно в глазах. Боль была такая, что я признала бы себя виновной в совершении любых злодеяний, от Французской революции до глобального потепления, лишь бы от нее избавиться.

– Где вы были? – громко и сипло спросила я.

– Потерпите, пожалуйста. Там еще три роженицы в очереди на ультразвук.

– Не хочу я ультразвук. Я хочу обезболивание.

Но меня все-таки повезли в кабинет УЗИ, намазали живот гелем и положили на кожу два плоских щупа. В комнату вошел полный мужчина в белой куртке. Под ней были клетча-

тая рубашка фирмы «Вайелла» и плетеный галстук. На ногах красовались зеленые резиновые сапоги. Убрать форменную куртку – и перед вами типичный помещик. Если не считать того, что сапоги этого эсквайра были забрызганы кровью.

– Я мистер Керр, – отрывисто сообщил он. – Замещаю сегодня мистера Хьюза. Небольшие неприятности у нас, так?

На этом месте его неожиданно прервала ассистентка, проводившая исследование. Она произнесла фразу, которую любому из нас меньше всего хотелось бы услышать в подобной ситуации: «Мне кажется, сэр, вам нужно на это взглянуть».

Мистер Керр посмотрел на экран, глаза у него непроизвольно расширились, потом он повернулся и начал готовить какие-то инструменты. Он торопливо переговаривался с сестрой – к своему ужасу, я различила слова: «Приготовьте детский респиратор».

– Что происходит? – спросила я.

Мистер Керр подошел ко мне:

– Я должен вас осмотреть. Может быть не очень приятно.

Он засунул в меня пальцы, надавливал, ощупывал. Я уже собиралась приступить к нему с расспросами о том, что же он там нашел, как началась новая схватка, от которой я закричала.

– Анестезиолога уже вызвали, – доложил мистер Керр. – Нам придется сделать вам экстренное кесарево сечение.

Прежде чем я успела отреагировать, он пояснил, что, как показал ультразвук, пуповина обмотала шею младенца.

– Ребенок умрет? – перебила я.

– На мониторе мы наблюдаем хорошее сердцебиение. Но надо пошевеливаться, пока...

Он не закончил фразу, потому что двери растворились и появились два санитара с каталками. Одну из них подкатали прямо ко мне. Следом вошла индианка в белом халате и тоже устремилась к моей кровати:

– Я доктор Чатерджи, анестезиолог. Расслабьтесь немножко.

Ватным тампоном она протерла мне левую руку выше локтя.

– Сейчас сделаем укол, – говорила она, вводя иглу мне в руку, – а теперь начинайте считать от десяти до одного.

Я послушно забормотала: «Десять, *девять, восемь...*»

После чего мир померк.

Это так странно – искусственно выключиться из жизни на какое-то время. Это не сон, ты даже не можешь отследить течение времени. Просто выпадаешь в никуда, и никакие мысли, страхи, боль не способны вторгнуться в твою душу. Сон проницаем, его легко нарушить, а здесь все находится под строгим контролем химических веществ. И это – учитывая целый час непрерывных мучений – меня вполне устраивало.

Пока я не проснулась.

Мне потребовалось время, чтобы понять, где я, поскольку первым, что я увидела, были мерцающие светящиеся трубки, висящие прямо надо мной. Я с трудом разлепила глаза, все

растекалось и плыло. Голова была как в тумане, все звуки были приглушенными, доносились как будто сквозь вату – мне стало не по себе. Это было страшновато, к тому же я не сразу смогла сообразить, что же, черт возьми, происходит. Постепенно кусочки головоломки складывались в картинку: больница, палата, кровать, болит голова, болит все тело, ребенок...

– Сестра! – заорала я, одновременно нажимая на кнопку вызова. При этом я сообразила, что трубки – это капельницы, торчащие из обеих рук, и поняла что совсем не чувствую нижнюю часть тела. – Сестра!

Спустя некоторое время ко мне подошла изящная мулатка.

– С возвращением, – сказала она.

– Мой ребенок...

– У вас мальчик. Восемь фунтов, две унции¹⁸. Поздравляю.

– Можно мне на него посмотреть?

– Он в отделении интенсивной терапии. Это обычное дело, после осложненных родов такой порядок.

– Мне *необходимо* его увидеть. Прямо сейчас... – И умоляющим голосом я добавила: – Прошу вас.

Сестра внимательно посмотрела на меня:

– Я узнаю, можно ли что-нибудь сделать.

Она вернулась через несколько минут:

¹⁸ Около 3 кг 700 г.

– Сейчас к вам подойдет мистер Керр.

– А ребенка мне покажут?

– Поговорите с мистером Керром.

В эту минуту появился врач. Та же белая куртка, та же рубашка, только сапоги окровавлены сильнее прежнего – видно, не без моего участия.

– Как самочувствие?

– Скажите, что с моим сыном?

– Вам сделали обычное кесарево сечение. Петля вокруг шеи была не такой тугой, как я опасался. Так что, в общем и целом...

– Почему тогда он в реанимации?

– В палате интенсивной терапии. Обычная процедура для новорожденных после операции, особенно в случае осложненных родов. Нам пришлось произвести вентиляцию...

– Какую вентиляцию?

– Дали ему кислород. Он был немного вяловат, но на вентиляцию отреагировал хорошо.

– Значит, что же, петля на шее могла привести к поражению мозга?

– Как я уже говорил, к счастью, петля пуповины не была туго затянута вокруг шеи вашего сына. Но на всякий случай мы сделали ему ультразвук, чтобы убедиться, что у него нет кровоизлияний в мозг.

– Были?

– Нет, все в полном порядке. А главное, по шкале Апгар¹⁹ все совершенно нормально.

– По какой шкале?

– Шкала Апгар – это такая табличка, которую мы заполняем для каждого новорожденного. Туда заносятся некоторые показатели: пульс, рефлексы, дыхание, внешний вид. Как я уже сказал, ваш сын без труда набрал нормальное количество баллов. А через денек-другой сделаем еще электроэнцефалограмму и томографию, чтобы уж наверняка убедиться, что нервная система работает в нормальном режиме. Но я вам советую даже не переживать по этому поводу.

О, бога ради...

– Мне необходимо на него взглянуть.

– Конечно. Только будьте готовы и не пугайтесь, он сейчас выйдет не лучшим образом. Детская интенсивная терапия, знаете ли, не самое приятное место.

– Ничего, я выдержу.

– Вот и славно. Но помните, любые нагрузки для вас сейчас исключены. Вы перенесли серьезное хирургическое вмешательство.

Он было пошел к двери, но с полпути вернулся:

– Кстати, чуть не забыл – примите поздравления. Счастливый отец пока не появлялся?

– Он не звонил в больницу? – спросила я сестру.

– Не знаю, – ответила она. – Но я спрошу других сотруд-

¹⁹ Шкала Апгар – система быстрой оценки состояния новорожденного.

ников. А вы дайте мне его номер, я ему сама позвоню.

Я взглянула на часы. Шесть пятнадцать.

– Может, я сама попробую?..

Но тут появились санитары с креслом-каталкой. На сей раз это было особое кресло, приспособленное для пациентов с капельницами: у него имелась специальная рамка для бутылок с плазмой и физраствором.

– Давайте я позвоню вашему супругу, – напомнила сестра. – А то кресло нельзя занимать надолго, оно может понадобиться кому-нибудь еще.

– Такие классные кресла всегда нарасхват, – вступил в разговор санитар и добавил: – Поехали, дорогая. Мы отвезем тебя к малышу.

Сестра дала мне бумагу и ручку, и я быстро написала номера рабочего телефона Тони, его мобильного и нашего домашнего. Она пообещала оставить сообщения на всех трех, если не сумеет дозвониться и поговорить. Санитары стали перемещать меня с кровати в кресло. Я заранее напряглась, думая, что меня начнут отсоединять от многочисленных трубок, а затем опять будут тыкать иглами в вены. Но парни – они оба напоминали членов сборной команды по армрестлингу – невероятно бережно подняли меня и усадили в кресло, при этом ловко управляясь с трубками. Когда наконец меня разместили в кресле, я была в полном изнеможении: видно, послеоперационный шок еще не прошел. Сердце бешено колотилось, желудок схватывали спазмы, стены пала-

ты ходили ходуном. Но после нескольких рвотных спазмов я немного пришла в себя, только во рту было мерзко, а глаза слезились.

Большим ватным тампоном сестра очистила мне лицо.

– Вы уверены, что хотите ехать прямо сейчас? – спросила она.

Я только кивнула. Пожав плечами, сестра сделала знак санитарам, чтобы трогались.

Проезжая по палате для рожениц, мы миновали кровати пяти или шести женщин, около каждой из которых стояла кроватка с младенцем. Мы выехали в длинный коридор и долго двигались по нему, пока не остановились у лифта. Двери открылись, и я увидела, что у нас есть компания: в лифте была пожилая женщина на каталке, вся обвешанная капельницами, мешками, мониторами. Дыхание ее больше напоминало предсмертные хрипы. На мгновение наши взгляды встретились, и в глазах старушки я прочитала ужас и тоску. В голову пришла банальная мысль: одна жизнь кончается, другая начинается. Если, конечно, моему сынишке удастся выкарабкаться.

Лифт поднялся на два этажа. Выехав из него, мы оказались прямо перед широкими створками двери с надписью «Педиатрическое отделение интенсивной терапии». Один из санитаров, более общительный, шепнул мне в ухо: «Советую, лапуля, закрой глаза и не открывай, пока не доберемся до твоего малыша. Лично у меня тут настроение портится,

это место не для меня».

Я последовала его совету и, пока мы ехали по палате, не отрывала взгляд от пола. Меня, хотя глаза и были опущены, сразу же неприятно удивило освещение – помещение заливал мертвенный темно-синий свет (позднее мне объяснили, что необходимо для новорожденных, страдающих от желтухи). Тревожное ощущение усиливалось из-за полного отсутствия человеческих голосов. Единственным звуком было ритмичное, как метроном, попискивание электронных приборов – обнадеживающее напоминание о том, что маленькие сердца бьются.

Спустя какое-то время коляска остановилась. К этому времени глаза у меня плотно сомкнулись. Но тут санитар потряс меня за плечо: «Приехали, лапуля».

В какое-то мгновение мне захотелось попросить, чтобы меня увезли обратно – прямо так, с закрытыми глазами. Я не была уверена, что выдержу. Но я знала, что увидеть сына мне просто необходимо, в каком бы плачевном состоянии он ни находился. Так что я подняла голову. Глубоко вздохнула, открыла глаза и...

Вот он.

Я знала, что он будет лежать в специальном инкубаторе – кувезе, а значит, в этом прозрачном саркофаге ребенок покажется совсем маленьким. Я понимала, что весь он будет оплетен трубками и проводами. И все же меня поразили вид крошечного тельца, почти скрытого под густым сплетением

проводов и трубок – две тонюсенькие прозрачные трубочки выходили даже из ноздрей, а к пупку был прикреплен датчик содержания кислорода в крови. Он казался уродцем, почти инопланетянином, и к тому же совершенно беззащитным. Меня пронзила еще одна ужасающая мысль: *неужели вот это и вправду мой ребенок?* Говорят, что в момент, когда мать впервые видит своего младенца, ее поражает пронзительное чувство любви... что *ощущение близости, родства* возникает сразу же. Но как я могла ощутить близость к этому странному существу, напоминавшему результат страшноватого медицинского эксперимента?

Вот такие кошмарные мысли приходили в голову, и одновременно мне стало так стыдно, что кровь бросилась к голове: я поняла, что урод-то – я, поскольку лишена естественного материнского инстинкта. Но в тот же миг в мозгу возник и другой голос, строго велевший мне успокоиться. *«Ты еще не пришла в себя после операции, – поведал мне этот разумный, утешительный голос. – Твоему ребенку приходится несладко, ты сама накачана лекарствами, ты потеряла очень много крови. Потому и воспринимаешь все искаженно. Это называется шок. Аужувидеть своего младенца в таком виде – это собьет с катушек кого угодно. Тебе не может не казаться, что все идет кувырком. Ведь на самом деле так оно и есть»*.

Попытавшись таким образом себя успокоить, я снова посмотрела на сына и подождала, не захлестнет ли меня теп-

лая волна любви. Однако, глядя на кувез, я ничего, кроме страха, не испытала. Точнее, настоящий ужас – и не только от того, что у ребенка может быть поврежден мозг, но и от опасения, что не сумею со всем этим справиться. Мне захотелось плакать от жалости к нему... и к себе. И как можно скорее унести ноги из этой комнаты.

Разговорчивый санитар, видимо, это понял, потому что легко коснулся моего плеча и шепнул: «Давай-ка, лапуля, мы отвезем тебя назад в постельку».

Я сумела кивнуть в ответ, после чего внезапно разразилась рыданиями.

Меня привезли в палату, бережно переложили на кровать, вернув в исходную позицию и все капельницы. На тумбочке было зеркальце, я всмотрелась: лицо было пепельного цвета и совершенно неподвижно. Я попробовала напрячь лицевые мышцы, но, видно, действие анестезии еще не окончательно прошло. Больше всего я напоминала себе жертву теракта, уцелевшую при взрыве – их видишь иногда в теленовостях: такое же неподвижное лицо, с которого потрясение стерло все эмоции. Я отложила зеркало, откинулась на жесткую, накрахмаленную больничную подушку и поймала себя на мысли: *«Все рушится... я падаю в пустоту, но слишком запуталась и устала, поэтому мне на все плевать»*.

Тут я снова разревелась. Я плакала навзрыд, громко, безудержно. Рыдания были такими бурными, что прибежала сестра. Она, должно быть, решила, что меня так огорчила

встреча с ребенком, что это типичные перепады настроений после кесарева сечения. Но я-то, я совсем не знала и не понимала, почему плачу. Дело в том, что я совсем ничего не ощущала, как будто все мои чувства замерзли. Единственное, чего мне хотелось, – это кричать и плакать.

– Ну-ну, успокойтесь, – приговаривала сестра, держа меня за руки. – Я понимаю, вы взволнованны... увидев своего малыша...

Но я оттолкнула ее и завывала еще громче... хотя вроде бы и не собиралась ничего такого устраивать. Я не вполне отдавала себе отчет в том, что делаю, – просто плакала, потому что плакалось. И не могла остановиться.

– Салли... Салли...

Я игнорировала сестру, отпихивала ее руки, потом свернулась, приняв позу эмбриона, прижалась лицом к подушке и вцепилась в нее зубами, стараясь унять рыдания. Но хотя подушка и приглушила звук, плач было не остановить. Сестра одной рукой сжимала мне плечо, а другой пыталась отстегнуть от пояса рацию. Наконец ей это удалось, и, переговорив с кем-то, она сказала:

– Держитесь, к вам уже спешат на подмогу.

Подмогой оказалась еще одна медсестра, толкавшая перед собой тележку, заставленную медицинским оборудованием. За ней спешил дежурный врач. Та сестра, что все это время была рядом со мной, торопливо объяснила коллегам, в чем дело. Врач полистал мою карту, еще поговорил с сестрами

и удалился. Одна из сестер закатала рукав моей ночной рубашки, а другая обратилась ко мне:

– Доктор считает, что надо помочь тебе немного успокоиться, Салли.

Я ничего не ответила, потому что продолжала сжимать зубами подушку. В следующее мгновение в руку воткнулась игла, и по сосудам пошел теплый ток.

Потом, будто повернули выключатель, все погрузилось во тьму.

Когда я пришла в сознание, на смену возбуждению пришла вялость. Во рту было сухо, как в Сахаре, а в голове – какая-то пелена, все чувства притуплены, словно меня упаковали в вату. Первое, на что я обратила внимание, был стаканчик с водой на тумбочке. Я дотянулась и осушила его за десять секунд. Тут же почувствовала, что мне необходимо в туалет. Поскольку движения мои были ограничены капельницами, да и швы болели, я нажала кнопку вызова.

Няня уже сменилась – на сей раз ко мне подошла худая длинноносая женщина средних лет с североирландским акцентом. Ее манеры проще всего описать словом «суровые». На бирке я прочитала фамилию: Доулинг.

– Да? – спросила она строго.

– Мне нужно в туалет.

– Сильно?

– Очень сильно.

Испустив тихий, но выразительный раздраженный вздох,

она вытащила из-под кровати белое эмалированное судно.

– Приподнимите таз.

Я попыталась это сделать, но сил не хватило даже на такое простое движение.

– Боюсь, я вынуждена попросить вас помочь мне.

Еще один тихий недовольный вздох. Она сдернула одеяло, подсунула руку мне под поясицу и приподняла, затем задрала рубашку и подпихнула под меня судно.

– Порядок, – скомандовала она. – Делайте свои дела.

Но я никак не могла «сделать свои дела» в таком положении – чувство было такое, будто на мне, как на манекене, демонстрируют какую-то замысловатую сексуальную позу. Кто же сможет помочиться, лежа в такой неудобной позе?

– Помогите, пожалуйста, мне подняться, – попросила я.

– Какая же вы беспокойная, – проворчала она.

Мне захотелось огрызнуться, но густой туман в голове за- тормаживал реакцию. Да и мочевого пузырь напоминал о себе все настойчивее.

– Ну да ладно, – досадливо выдохнула нянька, схватила меня за плечи и рывком посадила. Она придерживала меня, пока я наконец не облегчилась. У мочи был резкий химический запах, такой сильный, что няня брезгливо поморщилась.

– Что вы такое пили? – произнесла она враждебно, без намека на улыбку. В этот момент за ее спиной раздался голос:

– Вы всегда так разговариваете с пациентами?

Тони.

Он выглядывал у няни из-за плеча, глядя, как я восседаю на утке. Вообще, я предстала перед ним во всей красе: бледная, взъерошенная, заторможенная, с тусклыми коматозными глазами. Тони скупно улыбнулся мне, быстро кивнул и тут же переключил все внимание на няню. А та, как это обычно и бывает с самодурами, вдруг оробела и смутилась, будто застигнутая на месте преступления.

– Я ей ничего такого не сказала.

– Сказали-сказали... – И он наклонился, вглядываясь в ее бирку с фамилией. – Я слышал, как грубы вы были с пациенткой.

У ирландки вытянулось лицо. Она повернулась ко мне:

– Извините, пожалуйста. У меня сегодня тяжелый день, я вовсе не хотела вас обидеть...

Тони не дал ей закончить:

– Просто заберите судно и оставьте нас.

Она вынула судно, после чего тихонько уложила меня, поправила простыню, бережно подоткнула одеяло.

– Может, вам что-нибудь принести? – нервно спросила она.

– Нет. Но я поговорю с вашим начальством, – ответил Тони.

Явно испуганная угрозой, няня поспешила к выходу.

– Ну как вам понравился спектакль, миссис Линкольн?²⁰

²⁰ Исторический анекдот о репортере, который после покушения на Авраама

– озорно улыбнулся Тони. Он нежно поцеловал меня в голову. – И как поживает наш мальчишка?

– Совсем плохо.

– А мне вчера вечером сказали совсем другое.

– Ты был здесь вчера вечером?

– Да, когда ты еще спала. Сестра сказала, что ты была...

– Немного не в себе, да? Или, может, она употребила чисто английское выражение, преуменьшая, как здесь водится. Например, «ваша женушка совсем поглупела».

– Тебе так кажется, Салли?

– Ой, умоляю, только не начинай говорить со мной таким мерзким рассудительным голосом, *Энтони*.

Я видела, как он сразу напрягся – но не из-за этого моего внезапного и ничем не оправданного взрыва, а потому, что я снова начала плакать.

– Может, ты хочешь, чтобы я пришел попозже? – тихо спросил он.

Я замотала головой, глубоко вздохнула и сумела справиться со слезами. Потом я спросила:

– Ты правда вчера приходил?

– Правда. Я приехал почти в одиннадцать, сразу из аэропорта. И стал проситься к тебе. Но мне сказали...

– Значит, в одиннадцать ты был здесь?

– Об этом я тебе и говорю. Вообще-то, сказал уже два раза.

Линкольна (убитого в театре) задал вдове президента вопрос: «Ну, с этим инцидентом все понятно, а как вам понравился спектакль?»

– А почему ты не приходил раньше?

– Потому я был в чертовой Гааге, как ты знаешь. Давай лучше поговорим о более серьезных вещах... о Джеке.

– Кто такой Джек?

Он посмотрел на меня, как на ненормальную:

– Наш сын.

– Я как-то не заметила, что у него уже есть имя.

– Мы же с тобой говорили об этом четыре месяца назад.

– Ни о чем мы не говорили.

– В выходные, в Брайтоне, когда гуляли...

Тут я вдруг вспомнила этот разговор. Мы поехали в Брайтон, решив, что на выходные «пошлем все к чертовой бабушке» (выражение Тони). Отдохнули мы на славу: там все время беспрерывно лил дождь, а Тони отравился, съев сомнительного вида устрицы в дорожном морском коктейле. Я, помнится, все размышляла о том, как все перемешано на этом морском курорте, одновременно шикарном и жалком, и что, возможно, именно за это его так любят англичане. Но прежде чем Тони начало выворачивать наизнанку в нашем дармовом номере в «Гранд-отеле», мы отправились немножко прогуляться под дождем по набережной. Тогда Тони и заметил вскользь, что, если родится мальчик, можно было бы назвать его Джеком. А я ответила (и теперь ясно это вспомнила): «А что, Джек звучит совсем неплохо».

Но можно ли было сделать из этого вывод, что я одобряю идею назвать ребенка Джеком? На мой взгляд, вовсе нет.

– Я только сказала, что...

– Что имя Джек тебе нравится. И я это воспринял это как одобрение. Прости.

– Неважно. Это же пока только разговоры и ни к чему нас не обязывает.

Тони беспокойно заерзал на краю кровати:

– Хм... дело в том, что...

– Что?

– Я утром зашел в муниципалитет Челси и зарегистрировал его. Джек Эдвард Хоббс... Эдвард – в честь моего отца, разумеется.

Я смотрела на него в полном смятении.

– Ты не имел права. Какого же черта, ты не мог...

– Говори тише, пожалуйста.

– Не указывай мне, как говорить...

– Может, вернемся к разговору о Джеке?

– Он *не* Джек! *Ты* понял? Я отказываюсь называть его Джеком!

– Салли, все равно, пока ты не подпишешь документы, они не имеют юридической силы. Так что постарайся, пожалуйста...

– Что? Не быть дурой? Подражать проклятым хладнокровным англичанам, когда мой сын лежит там, наверху, и умирает...

– Он не умирает.

– Он *умирает* — а меня это не волнует. Можешь ты это

понять? Меня это *не волнует*.

Выкрикнув это, я повалилась на подушки, натянула одеяло на голову, и у меня начался очередной бурный приступ рыданий, который сопровождался ощущением жуткой пустоты. В считанные секунды подросла сестра. Я слышала взволнованное перешептывание, до меня доносились обрывки фраз: *«такое нам приходилось видеть и раньше», «часто случается после осложненных родов», «бедняжка натерпелась, ей столько пришлось пережить»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.